

Китобойная флотилия «Слава». Записки о былом.

Воспоминания обрусевшего армянина.

Автор Сергей Арзуманов. Книга воспоминаний хороша не только довоенным описанием Мары, Ташкентом военных лет, но и рассказом о плавании на флотилии «Слава» - ею тогда гордились не меньше, чем потом космическими полетами. ЕС.

1-й рейс за китами в Антарктику (11.1946 - 06.1947)(Оформление в заграничье. Ленинград. «Англетер». Выход в море. Кильский канал. Ливерпуль. Китобазы. Стрельбицкий. Назначение мастером. Юхансен. Гибралтар. Выход на промысел. Воронин. Коган. Лангусты и летучие рыбы. Праздник Нептуна. Острова Тристан-Да-Кунья. Акулы. У штурвала «Славы». Киты и их промысел. Фолклендские острова. Заманчивое предложение. Нас обманули. Одесса.)

В конце августа 1946-го, возвращаясь после каникул в Москву, я не смел и подумать, что окажусь свидетелем и участником незабываемых, можно сказать, исторических событий. Поначалу ничего не предвещало перемены. Занятия в институте, тренировки в секции штанги, разгрузка вагонов, ежесубботняя парилка в общей бане, отоваривание продуктовых карточек и прочее. Правда, удавалось выкроить время и на то, чтобы сходить в кино, посетить театр, оперу, а раз в месяц - побывать на концертах, которые для студентов устраивались в клубе института. Цена билета на концерт была символической. Но стремились попасть на них не из-за дешевых билетов. Ходили, чтобы увидеть и услышать популярных народных артистов, а часто удавалось и пообщаться с ними вблизи. А шутки известных конферансье вызывали у некоторых смех до коликов в животе и недержание...И вдруг в сентябре наш декан собрал группу студентов и известил, что организуется экспедиция в Антарктику для добычи китов, и Минрыбпром решил включить в её состав 20 студентов Мосрыбвуза. Предупредив, что отбор по здоровью и «анкетным данным» будет очень строгим, Болдырев рекомендовал прежде чем подавать в комиссию заявление, серьёзно подумать. И если «в анкетных данных» есть какие-то «огрехи» • лучше воздержаться. Однако желающих оказалось много. В институте и разговоры были только о предстоящей экспедиции. Я подал заявление не раздумывая: такой шанс упускать было нельзя, да и терять мне было нечего, разве что год учёбы, но это я считал не таким важным. Сложнее было принять решение брату Сосику, который писал в это время дипломный проект. Но и он решился не упускать случая совершить интересное плавание, повидать мир, побывать в других странах, к тому же за это ещё и деньги обещали платить! По слухам, заявления с просьбой взять в плавание подали человек двести. Комиссия отобрала, как и требовалось, 20 ребят. Нам раздали бланки анкет, проинструктировали и...пошла писать губерния! Надо было без утайки ответить на кучу вопросов восьмистраничной анкеты. В ней содержались та-а-а-кие вопросы! Кто и откуда ты, папа и мама, дедушки и бабушки по пинии отца и матери? Не воевал ли ты сам или кто-либо из твоих родственников против советской власти в Гражданскую войну? Не был ли ты или твои родственники под судом и следствием? И ещё много подобных вопросов. Кроме анкеты, требовалось на 4-х страницах (I) специального бланка собственноручно написать подробную автобиографию. О чём писать, излагалось на 1-й странице бланка. Кроме того, к этим бумагам нужно было приложить характеристику, подписанную директором и секретарями партийной и комсомольской организаций и скреплённую гербовой печатью института. В этой характеристике, кроме хвалебных слов о тебе, обязательно должно было быть написано: «Политически выдержан, морально устойчив, делу партии Ленина - Сталина и Социалистической Родине предан». Какова формулировка?! Да такой патриот ни за что не сбежит за границу и, конечно, не даст себя охмурить и завербовать коварным иностранным (говорили «иносранным») разведкам! Заканчивалась характеристика словами: «Рекомендуется для участия в заграничном плавании», подразумевалось: «Человек благонадёжен». Написал об этом так подробно, чтобы Читатель понял, через какие бюрократические препоны должен был пройти гражданин в советские времена, прежде чем его допустят выехать за границу. А это - сохранившаяся копия моей характеристики. В тексте характеристики-рекомендации позволялось голю восхваление, иначе незачем было её выдавать. Писались они по шаблону. Малейшее отступление от него лишало человека шанса на заграничье. Дальше было серьёзней. «Объективна» - так назывались эти бумаги, направлялись в КГБ. И вот тогда и начиналось самое главное. Это ведомство рассылало запросы всюду, где раньше проживал проверяемый. И если подтвердится, что он «чистый», «компромата» на него нет, - давали разрешение на выдачу заграничного паспорта (в нашем случае мореходной книжки) и визу на выезд за рубеж. Рейс в Антарктику считался заграничным, ибо предстоял заход в иностранные порты и общение там с иностранцами. Как томительно ожидание! Ничего не лезет в голову: ни учёба, ни тренировки, ни кино, ни концерты. Хочется только, чтобы побыстрее сообщили, что твои мытарства закончились, всё в порядке, ты прошёл проверку, собирайся в путь. «Всё проходит», прошло и это тревожное ожидание. Наконец, вызвали на собеседование в Министерство. Но перед комиссией предстало не 20, как намечалось, а 16 студентов, четверых КГБ не пропустило. Среди 16-ти счастливых оказались шестеро с нашего факультета: дипломники Игорь Головлёв и Сосик, а также четверо с нашего курса - Саша Засосов, Валя Жданов, Толя Зонов и я. В здании Министерства прошли медкомиссию, получили денежный аванс и билеты на поезд «Красная Стрела», и 16 ноября 1946 года были уже в Ленинграде (теперь - Санкт-Петербург). Нас разместили в гостинице «Англетер». Звучное название этой гостиницы очень многим было знакомо. По крайней мере, по двум причинам. Ещё в первых классах школы учащиеся выучивали наизусть «Мистера Твистера» С.Я. Маршака. Это стихотворение о злключениях богатого американца-расиста. Запомнилось: «Мистер Твистер / бывший министр. / Мистер Твистер / миллионер, / владелец заводов, / газет, пароходов / входит в гостиницу / «Англетер». Увидев в ней нефа, стал искать гостиницу «только для белых», но, не найдя такую во всём городе, «Вернулся в гостиницу «Англетер». Там же «Взявши подмышку / дочь и маргышку, / мчитя вприпрыжку / по «Англетер». А ещё эта гостиница знаменита тем, что в ней покончил жизнь самоубийством Сергей Есенин, впрочем, сейчас некоторые утверждают, что это было убийство. По-видимому, в своё время она была одной из самых фешенебельных фешенебельных и роскошных в Ленинграде, раз в ней решили поселить даже миллионера Твистера. Я думал увидеть снаружи шикарное многоэтажное здание, а внутри гостиницы - роскошь: кругом ковры, хрустальные люстры, фарфор, а на каждом шагу швейцары в униформах. Но, увы... «Англетером» оказалось старое, четырёх- (или пяти- ?) этажное, требующее солидного ремонта какое-то грязное, бурое здание с обвалившейся со стен штукатуркой и отскочившей с карнизов лепкой. Какой там «Англетер»?! Наше общежитие в Москве на Михалковской выглядело намного привлекательнее. И внутри здания нет ничего похожего на роскошь и богатство: облезлые, давно не крашенные стены и потолки. Если и попадаются ковры, то потрёпанные, лучше бы их совсем не было. К тому же всюду - стойкий противный мышиный запах. Не оттого ли «Англетер» снесли лет двадцать тому назад? Поселили в двухместный номер. Обшарпанная мебель: кровати, стол, шкаф, стулья, треснувшее зеркало. В

туалете из крана и бачка унитаза, не переставая, шумно хлещет вода, на полу и стенах не хватает плиток. Вот такой «номер» в знатной гостинице! Впрочем, «успокоили», что и остальные в таком же состоянии. Пошли смотреть «есенинский», исторический 5-й номер. Нас любезно впустили туда занимавшие его моряки. Номер как номер. Такая же, как везде, мебель, такое же убожество.* Ничего музейного, ничего, что бы говорило, что здесь 26 лет назад произошла трагедия с великим русским поэтом. Надо представить наши удивление и разочарование. Симпатичная благообразная старушка-администратор объяснила, что после смерти Есенина «Англетер» стал, так сказать, изгойной, в неё уже не поселяли иностранцев и именитых гостей, по существу превратили в общежитие, не давали средств на ремонт, покупку мебели и оборудования. В войну в гостинице квартировались военные, а после неб она стала «отстойником» для моряков, ожидавших выхода в море или вернувшихся из плавания. А громкое название «Англетер» осталось. Кстати, я так и не узнал, что означает это слово по-русски. В Ленинграде зачем-то снова потребовали пройти медкомиссию. После чего отобрали паспорта и выдали мореходные книжки, которые у моряков заменяют заграничный паспорт. Предложили сдать на хранение в спецотдел порта партийные и комсомольские билеты, а также, кто не сообразил их оставить дома, - ордена, медали и документы на них. Оказывается, всё это «добро», которое в своей стране с гордостью носили в кармане (или на груди), за кордон вывозить категорически запрещалось! Это было мое первое посещение, как теперь говорят, Северной столицы, а тогда - Северной Пальмиры. Непозволительно глупо сидеть в «клоповнике» (так выражаюсь не зря, о клопах - после), когда рядом столько всемирно известных красивейших исторических памятников и знаменитых музеев. Побывал везде, где возможно. Жаль только, что «Эрмитаж» еще не успели после войны привести в порядок, и он был закрыт для посещения. Но, через много лет по пути в Прибалтику, куда мы с дочерью и зятем * С первых же дней пребывания в Ленинграде я стал вести (правда, очень нерегулярно) дневник. Записывал наиболее приглянувшееся и интересное, рисовал на самодельных картах маршрут своего первого плавания по морям и океанам, отмечал в них даты нахождения в разных географических точках. То же самое я стал делать в Одессе через 7 лет, но у меня к этому времени появилась фотокамера, и я смог запечатлеть кое-какие эпизоды. 58 лет я берёг записи о первом и 50 лет - записи и фотографии о втором плавании. Время от времени, когда они попадались на глаза, подумывал: к чему они? Даже появлялась мысль выбросить записи и большинство фотографий. И надо же? Они пригодились. Теперь не приходится ломать голову, вспоминая даты, фамилии и имена «действующих лиц». Мои записки стали как бы документальной хроникой тех далёких времен. И я благодарен судьбе, что она сохранила все эти записи и фотографии. Они помогут этой и 8-й главам *Записок» быть интереснее, нагляднее и достовернее. Сережей надумали поехать на автомобиле, мне посчастливилось увидеть шедевры этого величайшего в мире музея. Пожалую тебя, Читатель, не буду отвлекать внимание описанием достопримечательностей Санкт-Петербурга. Их обязательно нужно посетить и увидеть самому, не доверяясь моему дилетантскому описанию. Но надо иметь в виду, что в Санкт-Петербурге 7000 (!) памятников и музеев, чтобы веб посмотреть не хватит всей жизни. Всего 6 дней и ночей провел я в этом городе. Находившись за день по музеям, храмам, осматривая площади и дворцы, в конце дня приходил в гостиницу отдохнуть. Вернее, поспать, чтобы завтра опять бродить по городу, знакомиться с новыми знаменитыми местами. Но не тут-то было! Ночёвка в гостинице напомнила страшную ночь в Евлахе, когда миллионы свирепых комаров безжалостно кусали и сосали кровь у меня - бедного и беззащитного шестилетнего мальчика. Теперь то же самое проделывали со мной, уже двадцатилетним и, вроде, не беззащитным, а вполне даже крепким парнем десятки крупных, жирных кровожадных клопов, стоило только лечь в кровать и укрыться одеялом. В Евлахе от комаров пытались защищаться кострами и дымом. Здесь, в номере, от них не было никакой защиты, они даже света не боялись: понятное дело-двадцать лет их не трогали, не травили, чего им бояться - знай, соси тёплую красную кровушку! Наконец кончились ночные страдания. Утром всю группу повели на пристань, откуда теплоходом предстояло проследовать до Ливерпуля - морского порта на западном побережье Англии. Тогда о Ливерпуле мало кто знал. Это позднее он стал всемирно известен благодаря знаменитой четвёрке «Битлз». На пристани нас дожидалось судно длиной 50-60 м и шириной 8 м, - теплоход «Академик Комаров», названный так в честь Президента Академии наук. Разместились в нижних каютах 3-го класса по 4-6 человек. Теплоход значился как «грузопассажирский», то есть, универсальный. Его помещения при необходимости легко трансформировались то для перевозки людей, то для различных грузов. Конечно, это не был комфортабельный лайнер. Да мы и не мечтали о лайнере. По-моему, согласились бы и на трюм, лишь бы побыстрее добраться до Англии. А вот сейчас, пожалуй, мало кто захочет плыть туда морем. Зачем терять на дорогу неделю, когда можно самолетом долететь за 2 - 3 часа? Вскоре приказали: всем пассажирам оставаться в своих каютах, выставить на койки «для досмотра» все личные вещи, чемоданы открыть, а рюкзаки развязать. В каюту вошли сначала пограничники - они сверяли наши физиономии с фото на мореходных книжках и проверяли, не спрятался ли кто под койками и в шкафах, а потом - таможенники, которые произвели генеральную, тщательную проверку-обыск или, как говорят, «шмон». Никаких деклараций тогда не заполняли. Да, собственно, что у нас, бедных студентов, могло быть такого, что нельзя вывозить из страны? Закончив эту унизительную процедуру, власти покинули судно. И вот настал долгожданный момент: 22 ноября 1946 года теплоход наш вышел в плавание. Мне, конечно, приходилось плыть по морю на пароходах, но то были и пароходы помельче, да и море поживе, и совсем оно не море, а озеро, хотя и называется Каспийским морем.* Его я пересекал четыре раза ещё мальчиком, следуя на Кавказ и когда возвращался домой в Мерв. А полгода назад, как заправский рыбак, там же выходил на лов рыбы, но ведь на лодках, под вёслами! А сейчас сердце переполняется гордостью - всё настоящее: и теплоход большой - морской, и море - Балтийское, - часть мирового океана. И капитан - удалой, говорят. Герой Советского Союза, хотя, поди, проверь - звёздочки-то на груди нету! Но Бог с ним, с капитаном! Я сам уже теперь не пацан, а «матрос 2-го класса», - так в моей «мореходке» записано! И как бывалый моряк внимательно всматриваюсь в очертания Кронштадта и плывущих навстречу судов. Иногда даже в большущий морской бинокль, который любезно дает «на посмотреть» вахтенный помощник капитана. В конце ноября темнеет рано, на палубе делать нечего, поужинал, спустился в кают-компанию, сыграл пару партий в шахматы или шашки, а потом пора в каюту спать до утра под шум винтов и убаюкивающий гул двигателей. Наутро проснулись от непривычной тишины. Поднялись на палубу и видим: наш теплоход стоит на рейде.** В миле от нас финский порт Койвисто. Подошёл катер, на борт поднялся грузный финн в морской форме, решил с капитаном какие-то дела, спустился на свой катер и отплыл. Подняли якоря и продолжили путь. На судне мы находились на положении пассажиров. Распорядок, вроде бы, должен быть примерно такой: завтрак - отдых - обед - отдых - ужин - сон. Не тут-то было! Все время плавания на «Комарове» нам не давали скучать наши «комиссары» - замы по политчасти. Они сразу взялись за дело. То политинформация, то лекция, то шахматный и шашечный турнир, то подготовка к концерту художественной самодеятельности (как можно без этого в заграничных водах?). И меня не обошли, поручили прочитать «Стихи о советском пароходе» Маяковского. В те времена без этой вещи не обходился ни один концерт. Пришлось заучивать наизусть, репетировать, придумывать жесты и выступить в кают-компании. Вначале я, по-волчьему рыча и скрипя зубами, выгрызал бюрокра-тизм. Затем старался изобразить на лице учтивость. Потом, скривив рот, испуганно смотрел на свою ладонь. А в конце совсем разошёлся. Якобы доставал из кармана паспорт, поднимал его вверх и громко, пафосно кричал: «Читайте, / Завидуйте, / я - / гражданин /

Советского Союза!» Смех, да и только! Но публика очень живо аплодировала, правда, и цветов никто не поднес. Сейчас, глядя назад, понимаю, как никудашно и карикатурно я выступил. Это был мой первый и, слава Богу, последний артистический опыт. Нет, вспомнил: это было второе мое выступление на сцене. Первое состоялось, когда я учился в 8-м классе. Железнодорожным школам поручали в порядке шефства давать «концерты художественной самодеятельности» жителям железнодорожных станций. Нам досталась станция Талдыкудук, что в Казахстане, примерно в 100 километрах от Ташкента. Старшая пионервожатая почему-то решила, что у меня получится сыграть главную роль в цирковом номере. Провели несколько репетиций. Школьное начальство посмотрело номер и одобрило. Нам выделили служебный вагон. Прибыли на место, а людей нигде нет: жители этой и соседних станций - человек триста - уже собрались в клубе и ждали «артистов». Меня объявили так: - «Сейчас выступит знаменитый фокусник и факир Сергей Арзуманов!». Раздались дружные аплодисменты, и в разноцветном клоунском костюме и колпаке, с шумом, что-то выкрикивая, я выбежал на сцену. Обращаясь к зрителям, хвастаюсь, что обладаю магическим даром перебрасывать по воздуху различные предметы. Конечно, мне не верят. Приглашаю на сцену двух школьников. Ставлю их по краям сцены, вручаю по железной миске. В миску одного демонстративно бросаю одну за другой три медных монеты, да так, чтобы они громко звякали. Кричу в зал: «Все слышали?» Дружно отвечают: - «Да!». Прошу ребят поднять миски высоко над головой. Встав рядом со школьником, у которого в миске остались три монеты, делаю руками пассы в сторону пустой миски и заклинаю: «Шоголи - моголи, первая монета - перелети с этой миски в ту!». О, чудо! Раздается громкое звяканье монеты в миске! В зале раздаются аплодисменты. Я гордо и самодовольно кланяюсь зрителям. Затем повторяю пасс, перелетает вторая монета. Опять аплодисменты, опять церемонно раскланиваюсь. Остается третья монета. Но, что это? Она звякнула без моей команды. Я в замешательстве, в зале удивленные возгласы. И тут из-за кулис выходит второй клоун с третьей миской в руке и, позвякивая монетой, повторяет: «Шоголи - моголи, шоголи - моголи!» Обман раскрылся, монеты не летали. В 1-й миске, как и было, - 3 монеты, во 2-й миске - ни одной. Под дружный смех и громкие аплодисменты меня метлой изгоняют со сцены. Номер всем понравился. Пришлось показать его сначала в школе, а потом и нашим шефам в клубе КОР. И почему я не подался в артисты? "Qualis artifex pereo"- «Какой артист во мне погибает», - может быть, эти слова и ко мне относятся? Нерон, плача и всхлипывая, произносил их, стоя у могилы, которую для него рыли. Я еще немного поживу, но такая мысль в голову всё же закрадывается. Шучу. Наш теплоход вез в Ливерпуль 3-ю. последнюю, группу участников предстоящего рейса «Славы». Среди пассажиров «Комарова», кроме простых грешных, находились и некоторые руководители. Отдельные каюты 1-го класса занимали: заместитель капитана-директора флотилии по политчасти Б.Г. Куликов - бывший *2-й секретарь Мурманского обкома КПСС, дублёр капитана - заместитель капитана-директора А.И. Стрельбицкий - бывший начальник Главного Управления Мурманского тралового флота, главный инженер флотилии А.А. Олив - бывший начальник Управления зверобойной промышленности Минрыбпрома СССР, главный механик завода В.А. Бодров - бывший начальник технического отдела Министерства, инспектор по политчасти («Особист», «Особняк»), А.А. Каншин - представитель органов госбезопасности, главный редактор многотиражной газеты «Советский китобой» Е.Л. Шистер и другие, всех уже и не помню. Эти начальники 16 суток плавания от Ленинграда до Ливерпуля зря время не теряли, они занимались «подбором и расстановкой кадров». Изучив личное дело, вызывали в каюту нужного человека, долго с ним беседовали, чтобы разузнать, на что он пригоден. Меня вызвали к Стрельбицкому. Рядом с ним сидел Куликов. Расспрашивали с пристрастием. Особенно Куликов. Перелистывая страницы моего личного дела (на обложке папки я узрел свою фамилию), он всё удивлялся, как это в 15 лет я стал командиром. Я, как мог, объяснил. А Стрельбицкого больше интересовала моя тренерская работа. Минут через 20-30 отпустили, не сказав ничего, на что я сгожусь. На следующее утро мы стояли на рейде в миле от Хельсинки. Опять ждали какого-то представителя, опять шли переговоры с капитаном, после чего наш теплоход снялся с якоря и продолжил путь. За Хельсинки был рейд у финского порта Ханко. Дольше всех простояли у Стокгольма, откуда на небольшом судёнышке нам доставили различные грузы, в основном канаты - сизальские и стальные. В одно пасмурное утро мы вдруг узнаем, что плывём Рижским заливом, в Риге будем грузиться продовольствием. Вот тебе на! Возвращаемся в Советский Союз, и снова будут проверки и досмотры? Но обошлось, в порт не заходили, любовались шпилями и куполами соборов Риги, стоя на рейде в километре от порта. Таких стоянок за время плавания было, наверно, десять. Иногда ожидания визитёров и время их нахождения на судне затягивались, этим и объясняется, что до Ливерпуля мы добирались так долго. Но ни разу мы не заходили в порты, ни разу не ступали ногой на заграничную землю. А как хотелось, ведь мы ещё за границей небыли. В этом рейсе самым запомнившимся и интересным был проход через Кильский канал (у немцев он зовётся «Норд-Остзе канал»), связывающий Балтийское море с Северным. В Кильскую бухту прибыли утром 30 ноября. Немецкий лоцман осторожно завёл теплоход в головную - приёмную - камеру шлюза. Я видел шлюзы в Туркмении и Узбекистане. Там шлюзы - это сооружения, перегораживающие канал (или арык) для регулирования пропуска воды. Собственно, это были обычные плотины с затворами, которые поднимались или опускались винтовым приводом вручную, или - если шлюз большой при помощи электромоторов. Совсем другое дело - шлюз судоходный. Это сооружение для подъёма и опускания судов с одного уровня воды на другой, а «шлюзование» означает пропуск судна через шлюз при закрытых воротах. Размеры камер (их две - в начале и конце канала) потрясают воображение. Ширина камеры - 102 метра, длина метров двести. В начале и конце камер расположены массивные раздвижные ворота высотой метров 15-20. Итак, судно завели в камеру. Медленно закрываются ворота. Камера заполняется мощным потоком воды. Вместе с уровнем воды поднимается и наш теплоход. Когда уровень воды в камере сравнялся с уровнем воды в канале, стали очень медленно раскрываться другие ворота. Длилось это часа полтора-два. Наш теплоход, поднимаясь, встал примерно в полугора метрах от берега. Там находились несколько мальчишек. Нашёлся среди нас человек, знающий немецкий. Оказывается, мальчишки пришли к шлюзовой камере не из любопытства, а чтобы «подработать» что-нибудь из съестного. Они рассказали, что у них в Германии плохо с продуктами, нормы выдачи по продовольственным карточкам мизерные, живут впроголодь. Но вели себя мальчишки вполне достойно, ничего не просили (в отличие от наших шустрых, нахальных и вороватых цыганят, которые пристанут - не отвяжешься). Умные, гордые мальчишки рассчитывали на нашу догадливость. И они не ошиблись. Разве могли мы, только что наевшиеся «от пуза» сытных корабельных харчей (1-го, 2-го и 3-го!), быть равнодушными к этим воспитанным мальчишкам? Хотя они и немцы, и их отцы и старшие братья совсем недавно напали на нашу страну, разорили её и уничтожили миллионы людей, мы сходили на камбуз, выпросили хлеба и ещё что-то из продуктов для «голодающих немецких детей». Эту «гуманитарную помощь» аккуратно побросали в руки юных «фрицев». Кстати, это был наш первый непосредственный контакт с иностранцами за всё время плавания от Ленинграда до Ливерпуля. Наконец, шлюзование закончилось, и наш теплоход медленно двинулся вперед, к Северному морю. Вдоль канала пролегалет прямая, как и канал, автомобильная дорога - по-немецки автобан. По нему, обгоняя нас, движутся автомобили и трактора. Иногда видим небольшие немецкие деревеньки с возвышающимися крестами. Но это не интересно, не привлекает внимания. Другое дело металлические мосты - виадуки (кажется, 9), переброшенные через Кильский канал. Их невозможно забыть! Ни одного одинакового, каждый - шедевр инженерной мысли, техники и искусства. Мост замечаешь издали, почти за километр. Сначала на

большой высоте поперек канала видишь тёмную нить. По мере того, как подплываешь, нить всё больше приобретает черты моста, открывается филигранная, можно сказать, ювелирная ажурность конструкции, фантастическая лёгкость её ферм. Восхищение так велико, что невозможно оторвать взгляд. Совершенно непонятно, как такая лёгкая конструкция выдерживает передвигающийся по нему транспорт и пешеходов? Проплываешь под мостом и, поворачиваясь ему вслед, смотришь, как зачарованный, пока он не скроется вдали. Лично я не видел мостов совершеннее и красивее тех, что простёрлись над Кильским каналом. И ещё - аккуратность его строителей: ширина канала (104 м) и высота его берегов на всём протяжении - ровные, смотришь вперёд и удивляешься - всё в струнку; думаю, что и глубина (11,3 м) везде до сантиметра, одинакова. По-другому немцы работать не могут: аккуратные и дисциплинированные, неточности они не допустят и не потерпят. Все 56 морских миль канала - это 102,3 км - прошли за 7-8 часов и вышли в Северное море. Опять стали на рейд, так как объявили штормовое предупреждение. Переждав шторм, пошли на Ливер-пуль. Последний раз, когда уже стемнело, встали на якорь в бухте Темзы. Здесь высадили несколько пассажиров на пришедший с берега катер. Наверно, они направлялись в Лондон, до него рукой подать: в ночи мерцали многочисленные огни английской столицы. Ещё через двое суток - 7 декабря 1946 года - теплоход вошёл в бухту реки Мерсей и встал у причала порта Ливерпуль. Мы подготовились к проверке, обыску и «личному досмотру», который учиняли нам в Ленинградском порту. Ничего подобного. Никому до нас дела нет, никаких проверок и обысков. Неуважение какое-то! Хотя бы показали, что ли! Как-то обидно: прибыли в Англию, а англичан не видно! Пришлось снова собирать вещи и пешком добираться до китобойной базы «Слава», стоявшей на ремонте недалеко, у пирса верфи Беркенхед - это пригород Ливерпуля. Мы слышали, что китобаза - большое судно, но такого не ожидали. По длинному, шириной метра полтора дощатому «парадному трапу», держась рукой за толстые верёвочные перила (леера), поднялись на судно. Всех прибывших приняли по списку и обустроили. Мае, студентов, поселили в двух восьмиместных кубриках. Не терпелось побыстрее осмотреть наш новый дом, в котором предстояло жить и работать целых семь месяцев. Поражало всё. Прежде всего - размеры. Длина китобазы - 151 м, ширина - 21,6 м. Высота борта китобазы от киля до фальшборта (ограждение верхней палубы с отверстиями для стока воды, перила же на нём называются - планширь) - 22 м. Грузоподъёмность этого гиганта - 17.000 т, т. е., в его трюмах и танках можно перевезти 800 - 650 шестидесятитонных вагонов груза! В воде этот 5-этажный (5-палубный) пароход при полной нагрузке как говорят моряки, имеет осадку 12 метров. По конструкции китобаза подобна танкеру, основной её объём занимают 600-тонные танки (цистерны). В этих танках по пути на промысел хранится 3-месячный запас мазута на всю флотилию. На промысле после тщательной очистки эти танки заполняются китовым жиром. Скорость китобазы «Слава» - 12 узлов или 22, 2 километра в час. Наконец, основная характеристика величины корабля - водоизмещение. Оно у китобазы «Слава» 29500 т. Водоизмещение - это фактическая масса судна, вес воды, вытесненный плавающим судном. В то далёкое время это было самое большое гражданское судно в СССР. Спустя 12 - 15 лет у нас появились две прекрасно оборудованные китобазы, превосходившие «Славу» по всем параметрам: «Советская Украина», базировавшаяся в Одессе, и «Советская Россия», приписанная к Калининграду. Такой мы впервые увидели китобазу «Слава» у причала верфи в Ливерпуле. Справа у борта «Славы» - две железнодорожные цистерны, дающие представление о габаритах. Китобаза - это маленький город. На верхней палубе ведётся разделка и обработка китов. На нижней - имеется завод, где из сала, костей и жирного мяса китов вырабатывается жир, а из тощего - на специальной линии - кормовая мясная мука. Китобаза имеет склады, где хранится всё необходимое снаряжение для ведения промысла, механическую мастерскую, кузницу, продовольственные и вещевые склады, пекарню, даже типографию. Пресная вода для бытовых и производственных целей вырабатывается при помощи специальных аппаратов-опреснителей; ежедневно из солёной морской воды получается 350 т пресной. Имеется медсанчасть с физиотерапевтическим кабинетом и рентгеном. Матросы и рабочие живут в кубриках, расположенных на нижней палубе, комсостав - в каютах по одному или по двое - в надстройках китобазы. Разумеется, в жилых помещениях всё просто, без излишеств: только койки, полки, рундук (это узкий ларь с поднимающейся крышкой, служащий одновременно скамьёй), и обязательно стол. В батареях отопления - острый пар, оставив на ней сушить мокрые сапоги, - утром получишь кусок варёной кожи. Нам рассказали, что наша китобойная база, готовившаяся к рейсу - это база бывшей немецкой китобойной флотилии «Викинген». Она после победы над фашистской Германией в 1945 году перешла по репарации нашей стране. Но англичане перехватили все суда флотилии, в спешке набрали интернациональную команду и в сезон 1945 - 46 годов отправились в Антарктику промысливать китов. Причём, зная, что флотилию придётся отдавать, эксплуатировали её варварски. Не вели никакой профилактики и ремонта, к тому же растащили всё, что возможно. Наши были возмущены этим самоуправством «союзников», предъявили претензии. Англичане обещали к началу китобойного промысла - к середине сентября 1946 года - произвести полный ремонт и подготовить флотилию к выходу в рейс. Однако своего обещания они не выполнили. Пришлось посылать наших специалистов в порты, где ремонтировались китобойцы, в том числе и в Ливерпуль, где стояла китобаза. Почти 3 месяца (это половина промыслового сезона) было упущено. Флотилия на промысел теперь должна была прибыть «в свинячий «полдень», но, как говорится, «лучше поздно, чем никогда». В стране ощущалась острая нехватка продуктов питания, ещё не отменена была карточная система, и было бы неразумно отказываться от нескольких тысяч тонн ценного пищевого и медицинского жира. Сразу по прибытии нас познакомили с правилами распорядка на китобазе для промысловиков. Подъём в 7 часов, завтрак в 7-30. В 8 утра - начало работы, в 17 - окончание. Перерыв на обед с 12-ти до 13. Ужин - в 18.* А для судовой команды на весь период плавания был установлен общепринятый на всех морских судах незыблемый распорядок: 4-часовая вахта, после которой «подвахть» для отдыха - 8, а иногда и 12 часов. Надо было торопиться. Не теряя времени, всех прибывших «матросов 2-го класса» задействовали, включив в составы уже действовавших бригад в качестве разнорабочих. (Собственно, матрос на судне и есть разнорабочий, он делает все, что ему прикажут, в том числе чистит гальюны и другие общественные места). Мы грузили, разгружали, чистили, подметали, красили, помогали тем, кто изготавливал из стальных тросов шкентеля, клеванты, и стропы - их нужно было успеть сделать к началу промысла несколько сотен, причём самых различных конфигураций и размеров. Работы хватало, все трудились старательно, не «сачковали». Меня включили в бригаду, занимавшуюся разгрузкой грузов с прибывающих автомашин. Всё, что поступало, поднимали на борт китобазы, затем опускали в трюм, оттуда на тележках везли в склады, где укладывали в штабеля. Дело было мне знакомо, правда, здесь требовали еще и закреплять груз, чтобы он при качке не стал гулять с борта на борт. При разгрузке вагонов на ст. Лихоборы груз не закрепляли, для меня это было ново. Но и эту хитрость мы освоили. А дня через два меня назначили бригадиром. Ещё дня через три ознакомили с приказом по личному составу флотилии. Из 16 студентов троим доверили «начальские» должности. Игоря Головлёва и Сашу Засосова, имевших удостоверение штурманов малого плавания, назначили помощниками капитана. Игоря - 4-м - на китобазу, а Сашу - 3-м - на китобоец «Слава-2». После 6-месячного плавания они могли теперь претендовать на дипломы штурманов дальнего плавания. Меня назначили мастером кормовой разделочной палубы. Правда, у всех троих перед названием должности стояли буквы «И. О.», что означало «исполняющий обязанности». Кадровик объяснил, что эти две буквы уберут тогда, когда с назначениями согласится капитан-директор Воронин, который недели через три в Гибралтаре примет командование

флотилией. Конечно, хотя решение и не было окончательным - всё могло измениться - всё же было приятно: щекотало самолюбие, менялся статус и зарплата. Моим непосредственным начальником стал Андрей Иосифович Стрельбицкий. До прихода в рыбную промышленность он служил в военно-морском флоте, перед демобилизацией в чине капитана 1-го ранга (в армии - это полковник) успешно командовал соединением минных тральщиков. Я видел фотографию, где он снят в морской форме - вся грудь в орденах и медалях. Стройный, подтянутый, строгий, аккуратный, даже педантичный. А.И. каждый вечер собирал у себя в каюте боцмана и всех 4-х мастеров и дотошно расписывал кому, что и сколько сделать на следующий день. Если что не так - тут же вносились коррективы. Мы записывали этот план на отдельном листе бумаги, он его подписывал, и попробуй не выполнить. На следующей «пятиминутке», которая продолжалась иногда часа два, виновный получал серьёзный нагоняй и предупреждение. Пока китобаза ремонтировалась, воду и электроэнергию получали с берега. Причём вода поступала только питьевая, водопроводная, ею пользовались и для бытовых нужд. В условиях рейса это было невозможно: да и использование питьевой воды для технических нужд - непозволительная роскошь. К тому же и никаких ёмкостей не хватит, чтобы обеспечить все суда флотилии питьевой водой даже на неделю. Поэтому с 1-го же дня выхода в плавание для бытовых и технических нужд (питание паровых котлов, мойка танков, охлаждение дизель-генератора и т. д.) используется только техническая вода, вырабатываемая опреснительными установками. Часть установок запустили сразу, а остальные требовалось запустить до прихода флотилии в Гибралтар, для чего нужно было привести в порядок и разобраться с документацией. Для этого в помощь механикам направили несколько студентов, в основном старшекурсников, в том числе и Сосика. А после Гибралтара Сосик занимался подготовкой к празднику Нептуна, а затем и лебёдок к промыслу. Забегая вперёд, скажу, что весь промысловый сезон он вместе с моими однокурсниками Валей Ждановым и Толей Зоновым успешно проработал лебедчиком. Должность лебедчика в бригаде считается важной, ответственной, привилегированной и элитной. Лебедчик обязан досконально знать все процессы разделки китовой туши. А главное - он должен технически грамотно эксплуатировать механизм, тщательно ухаживать за ним, чтобы ни в коем случае не допустить простоев и задержек. Простой лебедки означает прекращение работы на разделочной палубе. От искусства лебедчика зависит успех работы всей бригады, а от его находчивости и бдительности (и это - главное) - безопасность работающих на палубе разделщиков. По этой причине, если палубными рабочими (резчики, крючники, стропальщики и т.д.) брали всех подряд, лишь бы это был крепкий, здоровый человек, то лебедчиками назначали не обязательно крепких, но зато знакомых с техникой людей. Вернусь, однако, в Ливерпуль. Здесь впервые в жизни я увидел женщин в брюках со штанинами, круто сужающимися книзу, и в куртках - вместо пальто. И удивительно - никто на это «посягательство на вековые права мужчин» не обращал внимания. У них это было обычно, в моде. У нас бы в стране люди пальцем показывали: смотри - баба в брюках, стыдоба! В то время наши женщины, наверно, чтобы на всех мужиков штанов хватило и дабы не обижать их, чинно и благородно ходили только в длинных «целомудренных» платьях и юбках. Лишь лет через тридцать мода на брюки докатилась до нас. Зато наши девушки в моде шагнули дальше: стали носить брюки, блузки и куртки такого покроя, чтобы напоказ был виден сексуальный пупок. В детстве, увидев такое, дразнили: «У кого пупок наружу, тот на улице всех хуже!» По штату в медсанчасти флотилии не был предусмотрен стоматолог. Идти в длительный рейс с больными зубами нельзя. Поэтому судовой врач по фамилии Вчерашний (между собой его звали (Позавчерашний)) незадолго до выхода в плавание осмотрел зубы у всех вновь прибывших. У меня, у Сосика и еще у трёх человек доктор, как оказалось, кстати, что-то нашёл. Он дал письменное направление к частному стоматологу - англичанину, с которым руководство китобазы имело договор об оказании услуг. В назначенный день поехали в Ливерпуль. Стоматологический кабинет размещался в двух шикарных просторных комнатах богатой квартиры хозяина заведения. С самого начала поразила приёмная: на стенах - картины, мягкий диван и кресла вокруг журнального столика, на отдельной тумбочке - бутылочки Кока-Колы и ещё какого-то напитка. А когда медсестра пригласила к врачу, изумился еще больше. Такое совершенное оборудование зубоврачебного кабинета я видел впервые. Примерно такое, но похуже стало появляться у наших зубных врачей лет через сорок-пятьдесят, когда разрешили открывать частные зубоврачебные кабинеты. Старый врач так запломбировал мне зуб, что пломба держалась лет двадцать. Не понимаю, почему после наших «зубодёров» они выпадают чуть ли не на следующий день? Это была единственная вылазка в Ливерпуль. Оказалось, что просто так в город не выпускают. Выходить можно только группами по 5 человек, которые комплектовались под строгим контролем особиста). Нам шепнули, что в каждой группе есть «тихушник», кто потом «настучит» обо всех нарушителях «Памятки».* Хотя старшим группы назначили меня (наверно, по «чину» - мастер всё-таки), я не знал, от кого ждать подвоха, поэтому не рисковал и ничего предосудительного не позволял ни себе, ни другим. Денег в порядке аванса дали по два фунта стерлингов «на рыло». Это была небольшая сумма, но мы были рады и этому. Удивила английская денежная система. У нас как: в 1 рубле - 100 копеек. В долларе США - 100 центов. У англичан же в 1 фунте стерлингов - 20 шиллингов, в свою очередь в шиллинге - 12 пенсов. Поди-ка, разберись. И ещё удивили сами монеты. Когда с бумажного фунта давали сдачу, то в мелочи оказалась медная 6-пенсовая монета 1868 года! А шиллинги были серебряные! В Англии это было обычно, англичан не удивляло, что на сдачу они дают старинные монеты, за которые даже в нашей стране дали бы большие деньги. У нас к тому времени из обращения полностью были изъяты все медные и серебряные монеты и заменены стальными с мизерным содержанием в них латуни и никеля. А немцы и подавно - ещё с тридцатых годов прошлого столетия стали штамповать все свои монеты только из дешёвого алюминия. С Беркенхеда до Ливерпуля добирались на метро. Оно там мрачное, грязное, плохо освещённое; удивило, что в метро курят, плюют на пол, а ведь англичане! Ну, как тут было не возгордиться нашим московским метрополитеном! Город внешне напоминал тогдашние заводские окраины Москвы: такие же серые трех- и четырехэтажные здания, грязные, небрежные улицы. Но поражали магазины! Чего только в них нет! А как приветливы, вежливы и предупредительны продавцы, они сияют улыбками, съедают тебя приветливым взглядом, ходят за тобой, стараются угадать, что же этот «русский» хочет купить? В какой-то магазин мы попали за минуту до закрытия. Нас не то что выпроводили, а любезно угостили чаем с сэндвичами, только бы мы остались и что-нибудь потом купили. После неудачной попытки убрать с рук татуировки купил всякую мелочь (на крупное не хватило бы «паунтов»): сигареты, жёлтый браслет к часам и какую-то дребедень. И ещё одна вещь поразила меня. Хлеб на китобазу привозили из города на небольшом специальном автофургоне. В белый металлический кузов со стеллажами-этажерками задвигались аккуратные ящики, в которые укладывались маленькие буханочки весом в один английский фунт (453,6 грамма). Каждая буханка обёртывалась в целлофановый пакет, на котором яркими красками нарисованы аккуратно нарезанные кусочки хлеба и какой-то текст. Поражали эта аккуратность и качество хлеба: непривычно белый и необыкновенно мягкий - сожмёшь буханку ладонью - спрячется в кулаке, разожмёшь - примет первоначальную форму и размеры. У нас в то время даже в Москве похожего хлеба в продаже не было, такой увидел впервые лишь в Ливерпуле. И хотя английский хлеб был безвкусным, вернее, непривычным, когда наладили судовую пекарню и стали печь наш, российский хлеб - ржаной и белый, нет-нет, да и вспоминали тот - английский. Его даже в руках держать было приятно. В подготовке к промыслу незаметно прошли две недели. Неожиданно Стрельбицкий объявил аврал по уборке китобазы. Нужно было навести «марафет» - ожидалось прибытие важных персон. Утром

21 декабря на палубу китобазы поднялись норвежские китобойи - наши инструкторы во главе с прославленным гарпунёром, председателем Союза гарпунёров Норвегии Сигурдом Нильсенем. Мы узнали, что он участвовал в 23 рейсах в Антарктику. Это был энергичный толстяк лет под 60, невысокого роста, седой, в сером костюме, сразу внушавший к себе уважение. С ним была молодая жена лет тридцати. Она провожала своего мужа до Гибралтара. Нам сразу стало как-то неуютно от соседства с этими «пришельцами», ни слова не понимавшими по-русски. Да и поводов вступать с ними в контакт у нас пока не было. К китобазе после ремонта на соседних доках стали подходить и швартоваться китобойцы. Пошли разговоры, что скоро отправимся в рейс. В середине дня начальство встретило важного представителя Советской власти - консула в Ливерпуле Кротова. Он оформил визы и дал согласие на выход в плавание нам и иностранцам, находящимся на бортах советских судов. Путь в Антарктику был открыт. Фамилию консула я запомнил потому, что в нашей бригаде был его однофамилец. После посещения консулом китобазы над бедным парнем стали подшучивать, упрекая в том, что он скрыл своё родство с высоким начальством. А простодушный наивный паренёк, не понимая, что его разыгрывают, обижался и горячо доказывал, что не отец ему Кротов и что он его не знает. А ребята, посмеиваясь, продолжали ещё сильнее дразнить его. И вот в своих воспоминаниях я дошёл до времени и событий, описать которые много раз просили меня дочь Юлия и внучка Полина: о плавании в Антарктику. Я их понимаю. Это действительно наиболее интересные страницы моей жизни. Постараюсь вспомнить и показать всё, на мой взгляд, важное и интересное, что осталось в памяти и запечатлелось на плёнке. Понимаю: не всякому повезло быть участником знаменитых рейсов китобойной флотилии «Слава» в Антарктику, вместе с первыми советскими моряками побывать в портах Южной Америки. Мне самому иногда странно: как это меня угораздило попасть во всё это? Просто я чем-то угодил Богу, повторяю - мне повезло, а в глазах у некоторых я - последний могикинец. И всё-таки пусть мой Читатель знает: многое, о чём я расскажу, несравненно интереснее и доходчивее теперь показывают в «ящике», в передачах типа «Вокруг света», «Клуб путешественников», «Живой мир», «В мире животных». Сделаю ещё два замечания. Первое. Никакой пограничной проверки и таможенного досмотра при отплытии из Ливерпуля английские власти не проводили. И во всех других иностранных портах нас никогда не проверяли. Очень строгие и мелочные досмотры и обыски производились только в наших советских портах: и перед выходом в заграничное плавание и по возвращении из него. Второе. При описании пути китобойной флотилии в обоих рейсах буду пользоваться дневниковыми записями и подшивками газеты «Советский китобой». Карты (схемы) неточны, они дают общее представление о пути следования флотилии в 1-м и 9-м рейсах. В тексте Записок объясняются причины некоторых «зизгагов», приводятся даты, которые не уместились на картах. Иногда этот текст читать скучно, но что поделаешь, без него не обойтись. Не упрекайте меня за «скучность»: его почти без изменений я переписал из дневника «Наш путь», который публиковала многотиражка «Советский китобой». Уже на следующее утро после прибытия норвежцев познакомился с мастером-инструктором Юханом Юхансенем. Отныне он определял, что и как делать, причем перед началом работы очень понятно и наглядно показывал сам, как выполнять ту или иную операцию. Сопровождал показ объяснением по-английски. Слушал его я (вступать с ним в контакт разрешалось лишь мне, рядовым рабочим это не рекомендовалось), сначала ничего не понимая, хотя в институте английский учил больше 3-х лет. Первые несколько дней приходилось пользоваться услугами их переводчика - тоже норвежца - Клементса. Но постепенно стал понимать, пытался переспрашивать тоже по-английски и стал обходиться без переводчика. Забегая вперед, скажу, что уже через месяц мы свободно изъяснялись с ним, неплохо понимали друг друга, правда, в основном на производственные темы. Я обращался к Юхану по имени, он ко мне - «Арзуман», тоже как бы по имени, переименованной из фамилии. В конце рейса я так «насликовался», что меня иногда стали использовать в качестве «внешнего» переводчика. Юхану в то время было 55 лет. Сухощавый, крепкий, подвижный, доброжелательный. В общем - симпатичный добрый старик. Он много раз ходил в Антарктику, слыл отличным мастером по разделке китов. Но из-за возраста в последние годы его перестали брать на промысел. И он прозябал, нуждаясь в заработках. И когда капитана Нильсена пригласили стать консультантом в рейсе «Славы», он вспомнил о Юхансене - своём товарище - старом опытном мастере, много раз ходившем с ним в Антарктику. Эта карта, вернее, схема, должна дать представление о 1-м моём путешествии морем от Ленинграда (Санкт-Петербурга) в Англию, оттуда в Антарктику и о возвращении из Антарктики на Родину. Карту рисовал от руки с точностью «плюс-минус десять миль». Чтобы географические названия не писать коряво от руки, пришлось освоить компьютерную программу «Photo Canvas». Наконец, 22 декабря 1946 г. в 9 часов 15 минут на китобазу поднялся английский лоцман, и мы отдали швартовы. Два буксира, пыхтя и суеясь, вывели нашу махину из порта. Флотилия «Слава» вышла в свой 1-й рейс в Антарктику. Пройдя опасное для плавания побережье Ирландского моря, высадили лоцмана. В районе маяка Лайнас обогнули остров Англии и вышли в канал Георгия. В это время справа от нас была Ирландия, а слева - берега Уэльса и Англии. В 23 часа вышли в море. 23 декабря в 23 часа мы оставили слева английские острова Шили и вышли в Атлантический океан, следуя курсом к берегам Северной Испании. Теперь справа от нас простирался Атлантический океан, а слева в 110 милях - берега Франции с беспокойным в это время Бискайским заливом. Но нам посчастливилось, только 25 декабря нас встретил 7-балльный шторм. В полдень 26 декабря открылись берега Испании. Мы прошли в 60-милях от острова Берленга, а в 15 часов оставили слева португальскую столицу Лиссабон. Сопровождаемая 8-ю китобойцами, китобаза 27 декабря 1946 года прошла Гибралтарский пролив, повернула на Север, оставила справа мыс Европа и, бросив якоря, встала на рейд в бухте Альхесира в миле от порта Гибралтар. Собственно Гибралтар - это гора высотой 425 м (англичане зовут её Rock - «скала») и песчаный перешеек, причленяющий её к Пиренейскому полуострову. Великобритания построила в этой горе неприступную военно-морскую крепость и почти три века контролировала проход судов через Гибралтарский пролив, став фактически хозяйкой Средиземного моря. Эта крепость позволяла ей, начиная с 18-го века, быть «Владычицей морей». Но это прошлое. Хотя над скалой летают самолёты, в порту стоят военные суда, а улочки городка всегда заполнены английскими военными моряками, сейчас Гибралтар стал транзитным портом на Средиземном море, который не обходят практически все суда, следующие через пролив. И мы, конечно, пришли сюда совсем не для того, чтобы брать крепость штурмом. У нас были вполне мирные цели. Отсюда начинался новый этап экспедиции в Антарктику. Здесь руководство флотилией принял капитан-директор В.И. Воронин, прибывший из Одессы на танкере «Кремль», который также снабдил китобазу недостающим топливом, продуктами, снаряжением и доставил нам почту. Работы по изготовлению промыслового снаряжения со дня выхода флотилии в плавание моей бригадой велись ежедневно. Не прекращались они и во время стоянки на рейде у Гибралтара. Я всегда работал на главной палубе недалеко от места, где находился парадный трап. Утром 27 декабря на палубе услышал: «Воронин! Воронин прибыл!». К борту базы подошёл катер, с него сошли несколько человек. По спущенному трапу они стали подниматься на китобазу. Впереди шёл пожилой человек в морской фуражке и кителе с галунами на рукавах и воротнике. Это и был наш капитан-директор. Тогда в стране не было человека, кому не было знакомо лицо Героя Советского Союза Владимира Ивановича Воронина - прославленного полярника, участника спасения экспедиции Нobile на Северный полюс, знаменитого капитана пароходов «Сибиряков», «Челюскин» и ледокола «Ермак». Недавно его избрали депутатом Верховного Совета СССР, что ещё больше прибавило ему славы и известности. Я стоял недалеко и разглядел морщинистое

загорелое обветренное крестьянское лицо и усы «а ля Чапаев». Ему в это время было 56 лет, но он не казался стариком, был строен, ходил быстро, обходился без очков даже при чтении. Прост в обращении, но всегда серьёзен, говорил сильно окая и только о деле. Всех держал на расстоянии, никто не слышал его смеха, не видел его улыбки. Воронин не употреблял спиртное, а в плавании это «баловство» запрещалось всем без исключения. Говорили, что именно таким и должен быть полярный капитан, иначе на судне не будет порядка. Добавлю, что В.И. был непритязателен в еде и одежде. Не обращая ни на кого внимания, выходил на капитанский мостик в брюках с заплаткой на «интересном» месте. Я сам видел. Рядом с ним, как для контраста, стоял норвежец - капитан Нильсен, одетый в новый шикарный костюм. От кого-то я слышал, что Воронин, как все моряки, был суеверен и считал эти брюки талисманом, якобы они у него уже 20 с лишним лет. Вполне можно поверить. В кают-компании он ел то же, что и остальные. Но, ежедневно (!) ему на стол подавали по особенному приготовленную треску «с душком» - говорили, - «по-мезеньски». Ел он её с аппетитом, приговаривая: «Тресочки не поешь - не поработать!» Эту поговорку рыбаков и зверобоев-североморцев многие матросы и палубные рабочие, особенно те, кто родом из тех краёв, повторяли очень часто. Удивительно, но факт: Воронин был беспартийным, а для любого руководителя в те времена это считалось предосудительным, непонятным. Но его авторитет полярного капитана был столь высок, что с этим «недостатком» власти вынуждены были мириться. В 1933 году было решено на пароходе «Челюскин» пройти Северным морским путем за одну навигацию. Капитаном судна был Воронин. Однако «Челюскин» был раздавлен льдами и потонул в Чукотском море, а люди высадились на льдину, долго зимовали, пока их не вывезли. В коломенских библиотеках перелистал груды книг и журналов, чтобы найти портрет Воронина. О нём много статей в географических журналах, а также во всех энциклопедиях. Но все - без его портрета. Уже отчаялся найти, но неожиданно в детской книге, изданной в 1964 году к 50-летней годовщине Челюскинской эпопеи, нашел искомый портрет. На этом снимке, сделанном в 1933-34-м году, капитану легендарного «Челюскина» Владимиру Ивановичу Воронину 42-43 года. Капитан-директором китобойной флотилии «Слава» его назначили, когда ему было уже 56 лет, но снимка того периода я раздобыть не смог. Челюскинцы сляжались невероятную славу. Чего стоят хотя бы появившиеся тогда имена «Челнальдин» и «Челнальдина» (от «Челюскинец на льдине»). Я горжусь, что мне довелось общаться с этим неординарным человеком. По-моему, он меня уважал. На промысле, особенно когда за бортом скапливалось много китов, Воронин приходил на нашу площадку в неизменной тёплой куртке и болотных сапогах с острыми шипами на каблуках (так надо было, чтобы твердо держаться на скользкой от жира и слизи палубе). Он здоровался со мной за руку, справлялся, как дела, и затем, встав в стороне, наблюдал за нашей работой. Обычно после такого визита по радио объявлялась благодарность «всей бригаде Арзуманова», с упоминанием фамилий особо отличившихся матросов. Гибралтар был наш последний перед промыслом выход в иностранный порт. Нам выдали аванс - сущие крохи. Группами по пять человек катером доставляли на берег. Мы в знаменитом, со школы известном Гибралтаре. Население его - 20-25 тысяч, в основном испанцы, англичане и арабы. Последние переселились из соседнего Марокко. Три-четыре узеньких улицы с небольшими старинными двухэтажными домами протянулись вдоль горы. Никаких автомобилей, только пешеходы. Первые этажи во всех домах отведены под магазины, кафе, салоны. Поражает обилие разнообразных сувениров, они продаются везде: и с рук, и на развалах, и в магазинах, и в открытых лавчонках. Покупатели, а это в основном моряки со стоящих на рейде судов, прохаживаются не спеша, выискивая, что бы такое купить. Цены здесь удивительно низкие - не сравнить с Ливерпульскими. Привлекали внимание местные жительницы. Тут и беленькие англичанки, и смуглые испанки, и негритянки. Ярко одеты, улыбкивы, и все, как на подбор, красавицы. А, может быть, нам так казалось, тем более, что здесь не как в Ливерпуле ярко светило солнце, не по-новогоднему тепло, и кругом южная зелень, цветы, фрукты. Накупили всякую дребедень. Деньги кончились. До отхода катера часа два. Решили посмотреть город. Остановились у входа в крепость. Засмотрелись на то, как военный моряк, одетый по-петушиному, вышагивает вдоль ворот. Прямо цирк, да и только! Каждый шаг громко «впечатывает» в брусчатую мостовую. Пройдя несколько шагов, часовой резко останавливается, затем производит несколько приёмов, заканчивая каждый громким возгласом, снимает с плеча карабин и начинает выделывать с ним замысловатые выкрутасы, перебрасывая его с руки на руку. И так минут двадцать. Потом этого часового сменяет другой, он продолжает представление. И всё бесплатно, можно смотреть хоть целый день - никто не прогонит. В свободное время я часто заходил в каюту к Игорю Головлеву, с которым сдружился во время практики на Каспии. От Игоря мы узнавали новости. Он нёс вахту на мостике, где собиралось и беседовало начальство. Уши затыкать не требовали, и он слушал, а потом охотно делился с нами. Дня за три до Нового года сидим и «травим» о том, о сём. Вдруг по судовому радио объявляют: «Мастеру Арзуманову срочно явиться на мостик!». Бегу наверх. «Вас вызывает капитан». Стучусь в каюту. Там Воронин, Стрельбицкий и Куликов. Догадался: вызвали «на утверждение». Все знали, что через эту «троицу» пропускают всех, кто «И.О.». Стрельбицкий, обращаясь к Воронину, сказал, что с работой я справляюсь и претензий ко мне нет. Куликов согласился. Воронин спросил, есть ли у меня к нему вопросы. Я ответил: «Вопросов нет, все их, не откладывая, решаю с Андреем Иосифовичем» (Стрельбицкий). Ответ всем понравился, и меня отпустили. Так за 5 минут решили мою судьбу, и я стал мастером без обидной приставки «И.О.». В этот же день я ощутил преимущества своего нового положения. Старпом показал место за столом в кают-компании, где буду столоваться, и каюту, куда требовалось переселиться. Двухместная маленькая каюта площадью бкв. метров располагалась на нижней палубе в кормовой части. В каюте - 2-х этажная деревянная шконка (так моряки называют кровать или койку), есть умывальник, столик, один стул, две полки и шкаф. Внизу - машинное отделение, оттуда днём и ночью слышен грохот паровых котлов, машин, электрогенераторов. Постоянный запах мазута, его следы на перилах трапов и ступенях трапа. И вибрация. Не ахти, конечно, какой комфорт, но всё же лучше, чем тесный, узкий 8-местный кубрик с четырьмя двухъярусными шконками, стоящими параллельно вдоль кубрика в метре друг от друга, так что спящий сосед дышит, а то и храпит тебе в лицо. Сразу побежал к Стрельбицкому просить, чтобы в эту каюту поселили и брата. Шеф помог. И мы в более приличных условиях прожили под одной крышей полгода. Конечно, как старшему брату, я уступил Сосику нижнюю полку. Расскажу еще об одной привилегии, о которой я и не подозревал. Меня просили сообщить, на чье имя и по какому адресу послать документ на «спецпаёк». Что это такое, я не знал, подумал, что это что-то вроде талонов на УДП, которые получали студенты - штангисты. Назвал маму и свой ташкентский адрес. И забыл об этом, тем более, что никто ко мне по этому вопросу больше не обращался. Каково же было моё удивление, когда, приехав в Ташкент, я узнал, что ежемесячно маме в специальном закрытом магазине (только для больших начальников!) отпускали довольно приличный набор продуктов по невысоким ценам и так много, что с лихвой хватало на всю семью. Но, что ещё более удивительно, - маме продолжали выдавать паёк ещё полгода после того, как я уволился с флотилии и продолжал учёбу в институте. Вместе с Ворониным прибыл и кинооператор Семён Коган, которому было поручено снять документальный фильм о 1-м рейсе китобойной флотилии. Коган был известным кинодокументалистом. В те времена перед демонстрацией художественного фильма показывали киножурналы «Новости дня». Так вот, Коган значился в титрах почти всех выпусков кинохроники. Этот очень весёлый, жизнерадостный и общительный человек лет 32-35-ти держался запанибрата со всеми, особенно с молодёжью. Анекдоты были его хобби - увлечением, он готов был их слушать, а особенно рассказывать где и сколько

угодно. На корабле пошучивали: «Где Коган - там и смех». Но Коган не только анекдоты рассказывал. Вездесущий, он выискивал для будущего фильма интересные сюжеты и снимал их своей компактной киносъёмочной камерой. Охотников же попасть в кадр у него всегда хватало. В кают-компании стояло 2 стола: первый - для «высшего начальства» - во главе его, у торца, было место капитана-директора. Второй стол для «среднего комсостава», здесь главным был его старший помощник Корсак. Во флоте (у моряков принято говорить «на флоте») существует традиция: прежде чем сесть за обеденный стол в кают-компании, нужно спросить разрешение у сидящего во главе стола капитана или старпома. Моё место было в конце «старпомовского» стола. Рядом со мной сидел Коган. Часто он вдруг начинал вполголоса рассказывать какой-нибудь анекдот из своего неисчерпаемого арсенала. Не сдержав себя, я иногда прыскал со смеху. Корсак хмурился и молчаливо бросал на нас укоризненный взгляд, мол, молодёжь, ведите себя за столом прилично! Но вернёмся в Гибралтар. Новый 1947 год фактически не отмечали. Повара приготовили праздничный ужин, по радио зачитали поздравления личному составу, - вот и весь праздник. Не до того было - спешно готовились к отплытию. Утром 2 января, дав 3 прощальных гудка, китобаза снялась с якорей. Пройдя Гибралтарский пролив, вышли на просторы Атлантического океана и взяли курс на Юг, к Антарктике. За нами в две кильватерные колонны шли восемь китобойцев. У всех радостное, приподнятое настроение: впереди тропики, пересечение Экватора, промысел китов, получение валюты, заходы в иностранные порты. Через 2 дня, чтобы заправить китобойцы водой, топливом и прочим, сделали кратковременную стоянку у островов Зелёного Мыса. Как это часто бывает, нашёлся любитель порыбачить. Развернул заранее припасённую удочку наживил на крючок кусочек трески и забросил в воду. И сразу стало клевать! Вытянул и удивлённо вскрикнул: на крючок попалась не рыба, а ... (какая удача!) - большущий краб-лангуст. (Кто не знает: лангуст - это десятиногое ракообразное, (крабообразное?) громадных размеров, попадаются и в 60 см.) Рыбак забросил 2-й раз, и опять на крючке не рыба, а лангуст - видно, напали на их скопление. И тут все, у кого были удочки, кинулись за ними. За пару-тройку часов наловили вёдер десять лангутов и отдали на камбуз. Какая же это вкуснятина! Мне приходилось много раз есть варёных раков. Сам ловил, они зелёные, маленькие, размером чуть больше ладони. Их живыми бросишь в кипяток, они моментально краснеют. Едят в основном их клешни и хвост (раковую шейку), «мясца» от них набирается с ноготок. Возни с «выскребанием» много, а есть - нечего, одним словом, «жуй - плуй». Иное дело лангусты. Сковырнул тонкую роговую оболочку хвоста, съешь, облизываясь, приличный кусок мякоти и почти сыт, а коли еще и клешня досталась, то, считай, объелся. А если серьёзно, то недавно по телевизору узнал, что блюда из лангутов самые дорогие во всём мире, их могут позволить себе есть только очень богатые люди, миллионеры, и то не всякие. И ещё: в 2003 году после церемонии вручения Нобелевских премий гостям подавали на стол лангутов. И почему я об этом узнал так поздно? Знай, это 56 лет назад, я, бедный студент, не лауреат наелся бы лангутов «от пуза», чтобы на всю жизнь, тем более задарма и без всякого там Нобелевского лауреатства! 5 января пересекли тропик Рака. С этого дня участникам рейса пошла 50-процентная «тропическая надбавка» к зарплате. Неплохо, хотя платить её будут всего 2 недели, к тому же когда это будет: зарплату в рублях выдадут через полгода, когда вернёмся из рейса. А вот другие «тропические» - сухое испанского красное вино, хранившееся в больших «фирменных» бочках, стали наливать ежедневно по 300 граммов «на рыло». Полагалось вино разбавлять 3-мя литрами воды. По идее, такой «ёрш» должен помочь утолять жажду. Но мало кто водой портил вино (испанское же!), выпивали его «одним махом» за обедом или ужином. А некоторые любители, чтобы «в голову ударяло», 2-х и 3-дневную норму выпивали в один прием, не разбавляя водой. К тому же «законопослушные» убедились: разбавляй, не разбавляй вино водой - жажда не перестаёт мучить. Немного помогало то, что на всё время перехода тропиков у камбуза выставлялись 4-ведёрные баки с компотом. Тогда я впервые услышал очень популярную у моряков шутку, которую произносят с характерным одесским акцентом: «Ж-ж-ёра, пей компот - он очень даж-же жь-ирный!». Палубные бригады, в том числе и моя, работали на открытой палубе под Брезентовыми тентами. Но всё равно досчатый настил под солнцем сильно прогревался, жжёт пятки, невозможно было ходить по палубе в обычной обуви, а тем более, - в казённых ботинках. По примеру норвежцев все перешли на самодельные деревянные колодки - они в такую жару очень практичны. Я читал раньше, что у японцев и китайцев деревянные колодки чуть не национальная обувь, но думал, что это от бедности. Ан, оказалось, что в жару она - в самый раз. Когда ещё был в плавании, думал: вот приеду в Ташкент сразу смастерю себе и своим братьям такие же деревянные колодки, даже «покрасивую»... Но дома моё «ноу-хау» не поддержали: подавай им только кожаные босоножки или сандалии. Когда китобаза идёт на промысел, топочным мазутом заполнены все танки (кроме тех, что для воды). По мере освобождения их надо тщательно очистить, ликвидировав даже запах мазута. Для этого танк закупоривается («задраивается»), и туда запускается острый пар, чтобы с разогретых стенок танка стекли остатки топлива. Через сутки люк открывают, и в пышущий жаром-паром танк спускаются два-три «танкиста». В ход идут каустическая сода, скребки, мощные струи горячей воды. Из днища танка выгребаются ядовито-жгучая смесь. Эта тяжелейшая процедура повторяется, пока не очистится вся поверхность и не исчезнет запах мазута: ведь этот танк на промысле будут заполнять пищевым, а то и медицинским жиром. Вначале, пока не была создана специальная бригада, я добровольно полез в это пекло: подумаешь, в банной парилке ещё жарче, там даже веником хлещут - и ничего. А тут за каждый спуск кроме усиленной кормёжки ещё и плитку шоколада выдают. Но на этот «подвиг» я отважился всего два раза, как-то расхотелось, даже шоколад уже не прельщал. Но «тропическое вино» не спасало. Тропики проходили ровно 2 недели. Всё это время стоял полный штиль, ни малейшего ветерка, ни ряби на воде. Команда изнемогала днем от жары, а ночью - от нестерпимой духоты. Даже я - азиат, родившийся в Каракумах, проживший в тех местах почти 20 лет, с трудом переносил переход через тропики. Днём, хотя температура в тени доходила до 50 - 60 градусов по Цельсию, ещё как-то приспособивались: обливали себя водой из шланга, прятались под тентом на главной палубе. Начиная же с вечера, наступала невыносимая духота, воздух становился до невозможности влажным, нечем было дышать. Наверно, рыба, вытащенная из воды, чувствует себя лучше. А главное - никак не заснёшь. Вытаскивали на палубу матрасы и, укрывшись мокрой простыней, пыгались уснуть. Но ничего не помогало. Это были кошмарные 12*14 ночей. Пожалуй, только одно событие скрасило мучения при прохождении жарких тропиков - это праздник Нептуна. 11 января в 15-30 корабли флотилии пересекли Экватор. Об этом известили 5 протяжных гудков китобазы. Из океана (из слипа - большого отверстия в корме китобазы), на разукрашенной колеснице, запряжённой тремя белыми «конями» (из фанеры) с бубенцами, на палубу выезжает Царь морей Нептун. Грохот барабанов, тамтамов, тазов и кастрюль, улюлюканье, свист, гиканье и рёв 12-ти «негров»-телохранителей. Из динамиков раздаётся марш. На большой центральной палубе выстроена вся команда. С трезубцем в руке Нептун (его изображал здоровенный мастер Нечитайло) строго вопрошает: - Чей это корабль, зачем и куда идёте? - Советская китобаза «Слава» с 8-ю китобойными судами, идём в свой 1-й рейс бить китов, - отвечает капитан-директор Воронин. - А, слышал, слышал о вас. - Далее грозный Царь морей желает счастливого плавания, дарит бочонки испанского вина и просит представить отличившихся в рейсе моряков. Старпом зачитывает список. Называется фамилия. «Не(ры)» выводят под руки моряка и ставят его на середину палубы. Прислонив огромную деревянную слуховую трубку к груди, врач выслушивает «пациента» и объявляет: «Здоров!». За дело берётся «парикмахер», он «расчёсывает клиента» большой фанерной «расчёской», после чего происходит «крещение». «Негры», обмазав лицо и руки

несчастливого чёрной краской - смесью солидола с графитом, - бросают его в 30-кубометровую «купель» - установленный тут же брезентовый чан с морской водой. После «крещения» посвящённому в моряки подносят бокал с 300 граммами красного вина, которое в другие дни выдавали по вечерам у камбуза. Вызывается следующий, и так далее, пока эту процедуру не пройдут все, кто в списке. Однако по окончании крещения свита выходит из повиновения. «Негры» хватают Нептуна, капитана, начальство и всех, кто попадает под руки, и бросают в чан с водой. Особенно достается представителям «слабого» пола - официанткам, поварам. Их вылавливают и бросают в купель по второму, третьему разу: разве могут молодые здоровые ребята упустить случай таким образом «пообщаться» с молодыми, ядрёными женщинами? И хотя от «чертенят» прячутся, убегают, визжат, но скрыться невозможно. Весёлый праздник продолжался, пока из чана не спустили всю воду. Вечером на палубе под открытым небом, уже под созвездием Южного Креста, состоялся концерт художественной самодеятельности, а на праздничный стол подали всякие яства, включая бутерброд с чёрной осетровой икрой и по плитке шоколада. Вечером 12 января для бункеровки китобойцев флотилия подошла к острову Вознесения. Достопримечательностью острова является то, что его посещают огромные черепахи, вес которых достигает 350 - 400 кг. Здесь мы впервые увидели летучих рыб и применили оригинальный способ их лова. В темное время с судна в воду направляется мощный луч прожектора. В этот светлый круг начинают собираться летучие рыбы. И когда наберётся достаточно, бросаешь в воду небольшую дощечку. Рыба испуганно вылетает из воды враспынную в разные стороны. Те рыбы, что полетели от судна или параллельно борту - им повезло, они выжили. А те, что в сторону судна, с размаху ударялись головой о железный борт и, оглушённые, падали в воду. Оставалось подобрать добычу круглым сачком, привязанным к верёвке, и поднять улов на борт. После этого процедура повторялась. Помнится, таким способом наловили рыбы столько, что наутро в столовой все ели свежую жареную рыбу. Я не знаю, кому тогда пришла на ум мысль ловить рыбу таким способом в темноте. Заметим, что это был январь 1947 г. И вдруг читаю: «За внедрение в практику лова рыбы на свет проф. Борисов удостоился Ленинской премии за 1954 год». А мы, ловившие рыбу «на свет» 6-ю годами раньше, «удостоились» лишь тарелки нами же пойманной жареной рыбы. Ради справедливости, профессор должен был нам хоть «пузырёк» поставить? 19 января, оставив далеко слева остров Святой Елены, знаменитый тем, что сюда был послан и здесь умер Наполеон, пересекли тропик Козерога. Ночью 20 января подошли к островам Тристан-Да-Кунья (на некоторых картах - «Де-Кунья»). Острова носят имя португальского капитана, открывшего их еще в 1506 году. Но в 1816 году англичане объявили острова своими владениями. Тогда остров был необитаем. В следующем году на острове добровольно остались жить 3 матроса и несколько китобоев, к которым прибыли их семьи. С тех пор на островах постоянно живут люди. В то время, когда мы подошли к островам, там жило около 200 человек. Рано утром нас разбудили человеческие голоса за бортом. Вышли на палубу и увидели, что китобаза окружена несколькими десятками лодок с жителями островов (только мужчины). Одеты все в довольно экзотичные и разнообразные костюмы, какие только можно себе представить. Чего только на них не было! Особенно бросались в глаза причудливые головные уборы и ... лапти, плетенные из кожи. Какие-то все пугливые, они производили впечатление полудикарей. С визитом к капитану прибыл со свитой губернатор островов, они поднялись на борт. Остальные остались в своих лодках, откуда предлагали купить изделия их производства: шкуры пингвинов, отшлифованные и разрисованные рога коров и баранов, вязаные рукодельные чулки, носки, джемпера, перчатки и прочее. В обмен на эти товары островитяне хотели получить одежду, сигареты, табак, хлеб. Денег не брали - им некуда девать, а у нас их и не было. Руководство флотилии устроило в честь гостей обед, вручило каждому гостинцы: по бутылке водки и коньяка, несколько банок рыбных консервов, по банке чёрной и красной икры. На следующий день большая группа наших моряков сошла на берег. Нас поразила благоустроенность их жилищ. Население острова занимается в основном земледелием, животноводством и охотой. По существу, это - крестьяне. Но дома в их «деревне» вполне благоустроены, большинство кирпичные, покрыты шифером и черепицей. Большие ухоженные дворы. По виду - дикари, а живут, как на материке. Пригласили посетить государственную радиостанцию. Но здесь же и редакция местной газеты. Предприимчивый радист принимает сообщения с материка, на пишущей машинке печатает «газету» и продает её жителям острова по цене 5 сигарет или десять картофелин. Стосковавшиеся по «цивилизации» островитяне на прощанье подарили каждому по небольшому макету парусной яхты. Несколько лет этот сувенир пылился на шкафу дома в Ташкенте. Куда потом он делся - не знаю. А наше руководство подарило острову флаг СССР, а также (это же надо догадаться!) • портреты Ленина и Сталина. Замполит Куликов решил обратить островитян в новую веру. В своей лекции он расхваливал местного жителя прелести жизни при советской власти, а также «мудрость великого вождя народов товарища Сталина». Но безрезультатно: жители островов остались верны Королеве Великобритании и не стали организовывать на островах колхоз «Красный Тристан-Да-Куньявец»! Местные жители рассказали, что у берегов их островов плавает много акул. Азартные рыбаки решили организовать их ловлю. Кузнец выковал из 10 мм прута (круга) несколько очень больших акульих рыболовных крючков. Крючок, как и полагается, привязали к пеньковому, плетённому дюймовому линю, другой конец которого обернули вокруг барабана парового шпилья, чтобы не «рвать пупок», когда придётся вытаскивать добычу. В качестве поплавок использовали доску, привязав к верёвке в метре от крючка. На крючок насадили солёную треску (другой наживки на корабле не нашлось). Бросили за борт эту «удочку». Ждать пришлось недолго. Сначала появились полосатые рыбки-лоцманы. Поплавали вокруг трески, обнюхали её и уплыли. Через некоторое время появилась акула. Метра 3 длиной. С наживкой она играла, как кошка с мышкой: плавала вокруг, тыкалась носом, отплывала на несколько метров, потом опять подплывала. В конце концов отплыла метров на десять и оттуда, набрав скорость, «с разбегу» проглотила треску вместе с крючком. Последовала команда «Вира!», завертелся барабан шпилья, и под всеобщий восторг (только плясок не было) акулу подняли на палубу. Чтобы не «тяпнула» (а у акул 1500 ой-ой-ой, каких зубов), её оглушили ломиком. Таким способом было поймано несколько акул. Одна попала и мне. И хорошо, - было бы стыдно студенту Мосрыбвуза остаться без добычи. Акул оттащили на камбуз, и на следующий день на завтрак все ели холодец из акульих плавников, а на обед - жареную «акулятину». Подтверждаю: очень даже недурственно! А некоторые оставляли на память акулы зубы. Но вернёмся назад. Пожалуй, самым большим удовольствием при переходе Атлантики для меня было стоять у рулевого штурвала китобазы. Ну, разве есть такой молодой человек, который мечтал «порулить» кораблем, да ещё таким, как гигантская «Слава»? Не знаю чем объяснить: то ли дружескими отношениями со штурманами, то ли благоволением начальства, то ли тем, что на корабле я был заметным человеком, но всегда, когда бы я ни поднимался на капитанский мостик (а именно там и находится штурвал и главный компас), мне разрешали вставать за руль. Мне было 20 лет. Хотелось всё увидеть, всему научиться, попробовать всё своими руками. Ну, а о «стоять за рулём» такого громадного корабля и говорить нечего. В принципе, дело это нетрудное. Главное быть внимательным и иметь быструю реакцию. Нужно, чтобы картушка компаса была всегда «на курсе», то есть, на цифре заданного курса корабля. Только-только наметилось отклонение курса - надо сразу среагировать и начать медленно поворачивать руль в нужном направлении. И когда картушка вернётся на курс, даже чуть раньше, имея в виду инерцию, - остановиться. Если это проделывать резко, то корабль начнёт «вилять», что немедленно заметят моряки на китобойцах, следующих сзади китобазы, и по рации зададут ехидный вопрос. Я как-то быстро освоил эту науку, корабль у меня шёл ровно, поэтому «рулить» мне доверяли

всегда. Казалось бы, что особенного? Кругом на сотни миль океан. Глубина под килём-километры. Впереди ни судов, ни скал, ни тем более айсбергов. Рули себе и рули. Ан, что-то особенное в этом есть. Почти 55 лет время от времени мне снились сны, в которых я, стоя за штурвалом китобазы «Слава», вёл её то по Оке, то по Мосхве-реке (!). В подсознании: как я здесь оказался? Ведь осадка китобазы 12 метров, ну не может китобаза плыть по реке! А у меня плывёт и на мель не садится! Вот впереди крутой речной поворот. Полундра! Не впишусь, обязательно в берег врежусь! Просыпался в холодном поту: Слава Богу, это было во сне! А года через два-три - тот же сон, почти один к одному. Правда, несколько лет такой сон уже не снится. Поумнел я что ли? Редактор многотиражки Евгений Шистер, вспомнив, наверно, как я читал «Стихи о советском паспорте», предложил мне быть диктором (!) радиозула на общественных началах. Разве мог я отказаться быть Левитаном, хотя и корабельным? Сразу по выходе из Ливерпуля и до тех пор, пока не начался промысел, меня в 6-00 будил вахтенный матрос. Я быстро приводил себя в порядок и шёл в радиорубку, где попеременно с напарницей - секретарём капитана - читал текст, напечатанный на машинке. Читал отвратительно. Не там в словах делал ударения, иногда останавливался, чтобы разобрать слово и его правильно произнести. «Э-кал», «Мэ-кап», но, наверно, другого диктора, получше меня, не нашлось. Пришлось прочитывать текст заранее, так сказать, репетировать, проставлять, где требуется, ударения в словах. Сознаю, что «дикторствовать» было труднее и сложнее, чем единожды перед публикой прочитать стихи Маяковского. Но эта работа заставила меня внимательней относиться к своей речи. Я старался говорить (произносить) слова не как на ум придёт, а правильно, для чего обзавёлся словарями, в которые довольно часто заглядывал. Острова Тристан-Да-Кунья были последней стоянкой кораблей китобойной флотилии. У островов стояли четверо суток. Была произведена полная бункеровка всех 8-ми китобойцев перед началом промысла. 25 января флотилия снялась с якорей и пошла прямым курсом на Юг. Вскоре корабли пересекли 40-й градус Южной широты. Между 40-м и 50-м градусами Южной широты постоянно дуют очень сильные западные ветры, среди моряков эти широты известны, как «ревущие», «гремящие» и «разбойничьи». Отсюда, собственно, и начинается Антарктида - основной район мирового китобойного промысла, это огромные водные пространства вокруг материка Антарктиды, образованные южными частями Атлантического, Тихого и Индийского океанов. Антарктида находится почти целиком внутри Южного Полярного круга. По площади этот материк равен Австралии и Европе, взятых вместе. Это - горный континент, в среднем его высота над уровнем моря составляет 2200 м, но отдельные вершины достигают 5 тыс. м. Весь материк покрыт ледяным панцирем высотой 200 метров, в отдельных местах его толщина достигает 1000 и более метров. Общая площадь ледяного поля Антарктиды равна 14 млн. кв. км, из которых 11,3 млн. кв. км покрывают сушу, а остальная часть висит над морем, образуя мощные «языки» льда, уходящие на десятки километров в море - громадные ледники. Они медленно, со скоростью 500 м в год, ползут к морю, обламываются и уносятся в океан. Это и есть ледяные горы - айсберги. Высота айсбергов достигает 40 м, а длина до 180 километров! Встречались айсберги высотой до 518 метров - это её надводная часть, четыре же пятых части айсберга погружены в воду. Антарктика усеяна дрейфующими льдами. В хорошую погоду нам одновременно приходилось наблюдать более 100, а однажды в районе Южных Сандвичевых островов с китобойца «Слава-1» насчитали до 200 айсбергов! В 1773 году южный материк пытался найти известный капитан Кук. Суда под его командованием несколько раз пересекли Южный полярный круг, но материка не нашли. Возвратившись из экспедиции, Кук сделал заявление: «Ни один человек никогда не решится проникнуть на Юг дальше, чем это удалось мне. Теперь уже не будут говорить о южной материковой земле, которая в течение двух веков привлекала внимание морских держав и с древних времён служила умствованиям географов». После такого «авторитетного» заявления Кука никто не рискнул отправиться на поиски «материка». Никто, кроме русских. Прошло меньше полувека, и русские военные моряки блестяще опровергли выводы Кука. В 1819 году парусные суда - шлюпы «Восток» и «Мирный» - под командованием капитанов Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева выполнили то, что было не под силу англичанам и другим. Русские корабли обогнули Антарктиду, совершили первое научное кругосветное плавание в самых южных широтах, доказав тем самым, что за Южным полярным кругом есть материк, «заодно» открыли 26 островов, в том числе остров Петра I и Землю Александра I. Они исправили ошибки Кука о «Земле Сандвичева», это оказались острова Сандвичевы, а не материк, как предполагал Кук. Характерно, что иностранцы, предприняв несколько попыток, только через 88 лет (!) смогли пройти туда, где до них побывали русские. И вот через 126 лет впервые, после экспедиции наших моряков в этих широтах снова появились российские (тогда - советские) корабли. Именно по этой причине оеис Флотилии «Слава» в Антарктику в 1946-1947 г.г. ПРИНЯТО считать историческим! Теперь о китах, на добычу которых флотилия прибыла в Антарктику. Киты - морские млекопитающие, детёнышей вскармливают молоком, дышат атмосферным воздухом, для чего периодически подымаются на поверхность воды. Киты настолько приспособились к жизни в воде, что тело их приобрело рыбообразную форму, передние конечности превратились в ласты, а задние вообще исчезли. Двигается кит с помощью горизонтального хвостового плавника. Толстый слой подкожного жира служит китам надёжным термоизолирующим средством, позволяющим удерживать температуру тела 38 градусов Цельсия. Все киты подразделяются на два подотряда: усатых и зубатых. У первых вместо зубов по обеим сторонам верхней челюсти расположены свисающие треугольные роговые пластинки (числом до 360), высотой до 2,2 м, представляющие собой выросты нёба. Эти пластины и есть - китовый ус - цедильный аппарат кита. Внутренняя сторона усов имеет вид бахромы и образует своими щетинками плотный фильтр, служащий своеобразной сетью при ловле мелких ракообразных. У зубатых китов нижняя челюсть имеет два ряда конических зубов, подобных слоновой кости. Разница в строении рта у зубатых и усатых китов связана с различным способом и объектами питания. Киты - животные стадные. Обычно они плывут группами по несколько голов. Плавают быстро, развивая скорость до 40 км/час. Лёгкие кита вмещают до 14.000 литров воздуха. Киты живут, предположительно, около 20 лет. Основным объектом промысла в Антарктике являлись усатые киты: синие (голубые) - блювалы и финвалы. Синий кит - самое крупное животное, когда-либо существовавшее на нашей планете. Средняя длина его - 24 м, зарегистрирована длина блювала, добытого в Антарктике - 33 м. Самый большой синий кит, поднятый на палубу китобазы «Слава», имел длину 29 м. Вес крупного синего кита достигает 150 т, что соответствует весу 25 слонов или 120-150 быков. Вес отдельных органов блювала также привлекает к себе внимание. Например, сердце синего кита весит 600-700 кг, столько же весит крупная лошадь. Язык блювала весит до 2 т \ Диаметр спинной аорты кита равен 30-40 см, в 3-4 раза больше, чем диаметр пожарного шланга. А крови у кита - около 8000 л. Длина кишечника - более 250 м, объем желудка - 3000 л, а вес печени и почек - до 1000 кг. Общая масса (вес) мускулатуры синего кита достигает 60-70 т, а мускульная энергия, которую он может развить, исчисляется в 1700 л.с.! Характерным для блювалов является их привычка держаться вблизи льдов. В соответствии с огромными размерами тела синий кит дает при переработке и максимальное количество жира, мясной муки и других продуктов. Из одного блювала можно получить от 15 до 25 т, а иногда и до 30 т жира. Эта цифра настолько велика, что её легче представить, учтя, что для получения 30 т жира потребовалось бы разделать 1000 крупных свиней или 5000 баранов! Другой усатый кит - финвал - самый распространенный в Антарктике. Средняя длина этого кита - 21 м, но встречаются экземпляры длиной 25 м и более. Выход жира с одного финвала колеблется от 8 до 10 т, а иногда достигает 15 т. Принято считать, что два финвала по выходу продукции равны одному синему киту. Синие киты и финвалы в

Антарктике питаются крупным стадным планктонным рачком - крилем или черноглазкой. Усатые киты проглатывают их в огромном количестве. В желудке у синего кита обнаруживали до 1,5 т этого рачка. Оказавшись случайно на суше, киты скоро умирают от удушья, так как под тяжестью их тела легкие сжимаются настолько, что не способны выполнять нормальную дыхательную функцию. В Антарктике встречаются и другие киты, не имеющие промыслового значения: горбатый - горбач - (охота на него была запрещена), малый полосатик, сейвал (его в очень малых количествах добывали у островов Южная Георгия), бутылконос и касатка - самый страшный хищник антарктических вод. Длина самца касатки достигает 9 м, самки - 4,5 м. Касатки питаются рыбой, пингвинами и тюленями. Они стаями нападают даже на молодых усатых китов. Лично я часто наблюдал, как эти хищники буквально залазят в рот убитых китов, находящихся «на привязи» за кормой китобазы, и вырывают офомные куски китового языка. И ведь не отгонишь! Из органов чувств у всех китов развит слух. Установлено, что они слышат на расстоянии более 7 км, находясь под водой, подают друг другу звуковые сигналы, на которые ориентируются детеныши и другие киты. Новорожденный кит появляется на свет 6-7 м длины при 8-6 т веса. Каждые сутки китёнок вырастает на 3-4 см и прибавляет по 60-100 кг веса. За 6-7 месяцев молочного кормления детёныш вырастает до 12-13 м и 15-20 т веса. Быстрый рост новорожденного кита происходит за счёт кормления очень питательным молоком матери. Если в коровьем молоке содержится максимум 4 % жира, то в китовом - 45-50. Китёнок потребляет до 300 л молока в сутки. Чтобы выработать такое количество молока, кормящая самка синего кита ежедневно поедает 4-5 т пищи. Из зубатых китов в Антарктике промысловое значение имели только кашалоты, но добывали их мало. Здесь водятся только самцы кашалота. Самки вместе с детёнышами обитают в тропических водах. Питаются кашалоты глубинными гигантскими кальмарами и рыбами, для чего погружаются на глубину до 1 км! Длина кашалотов достигает 22 м, вес - до 100 т. Кашалот так же, как и другие киты, даже будучи смертельно раненым не сразу умирает. Раненые усатые киты, как правило, устремляются по прямой, уходя от судна. Кашалоты же в предсмертной агонии мечутся из стороны в сторону и с необычайно большой силой могут ударить в это время в подводную часть судна. В 1947 году у Командорских островов китобоец «Энтузиаст» загарпунил кашалота 17 м длины. Кит ушёл под воду и внезапно ударил головой под корму судна. Удар был такой силы, что стальной гребной вал был сломан и вместе с винтом утонул, а рулевое управление смято и сломано. Удивительно, что когда кашалота удалось добить, то оказалось, что сам он пострадал очень мало. Голова, которой кашалот причинил столько неприятностей судну, не имела признаков деформации, за исключением полутораметрового разреза кожи. Подобный случай произошёл с китобойным судном «Слава-6». Раненый кашалот с силой ударил в кормовую часть китобойца, головой обломав лопасть гребного винта, и погнул перо руля. И опять, когда на палубу китобазы подняли виновника аварии, то на лбу оказалась сравнительно небольшая «ссадина» в виде полумесяца длиной 38 см и шириной 11 см. Кашалот сорвал только верхний слой кожи на глубину 6-8 мм! А китобоец пришлось отбуксировать на ремонт в Кейптаун, в результате был потерян месяц ценного промыслового времени. Продукция, полученная после обработки кашалота, пригодна только для технических целей. Сало, мясо и кости идут для изготовления технического жира, используемого, например, в кожевенной промышленности. Именно по этой причине китобои избегают охотиться на кашалотов. И делают это, когда поблизости нет усатых китов. В голове кашалота над верхней челюстью находится огромный мешок, закрытый плотным слоем крепчайшей соединительной ткани. Этот мешок наполнен спермацетовым жиром весом несколько тонн. Из спермацета изготавливают свечи высшего качества, которые ярко горят и не коптят. Спермацетовый жир широко используется в парфюмерии: из него приготавливают высококачественные дорогие кремы, губную помаду. Китобои используют спермацет как сильнейшее слабительное. В кишечнике и желудке кашалотов иногда находят продукт болезненного состояния желудка серо-зелёного цвета, так называемую амбру. Она легче воды, обладает специфическим землистым запахом. Амбра ценится дороже золота. Употребляют её в качестве фиксатора запаха в парфюмерии: духи с амброй способны очень долго сохранять запах. К сожалению, в 2-х рейсах, в которых мне довелось участвовать, амбра ни разу не попадалась. Думаю, что приведенных фактов и сравнений вполне достаточно, чтобы составить представление об изумительных размерах гигантов океанов - китов. Теперь самое время рассказать, как охотились на китов, что делали с добытыми китами. Мы оставили флотилию «Слава», когда её суда вошли в «сороковые ревушие» широты. От былой тропической жары и следа не осталось. Все оделись в тёплую спецовку - ватные брюки и телогрейки, а на ногах - болотные сапоги с шипами на каблуке. Перчатки, правда, бязевые - в них удобней работать. На головах у всех шапки-ушанки. Норвежские инструктора оделись по-иному: на них куртки с капюшоном и брюки из особой непромокаемой ткани, шапки с козырьком и кожаные перчатки. И всё это на меховой подкладке. А сапоги - охотничьи, из толстой бычьей кожи и тоже на меху. Норвежские китобои, не раз ходившие в Антарктику, накопили опыт, знали, как надо одеваться в суровых условиях Антарктики. К нам этот опыт придёт позднее. Я уже написал о суровости климата Антарктики. Зачем это мы - сыны северной страны - за тридевять земель приплыли в эти неприветливые края? Первоначально промысел китов вёлся только в северном полушарии. Но здесь уже к концу XIX века запасы китов сильно истощились. Отдельные породы китов, ранее являвшиеся основными объектами добычи (гренландский, гладкий и южный киты) были почти совершенно истреблены. Сокращение запасов китов в водах северного полушария и сведения об их больших количествах в Антарктике возбудили интерес китобоев к промыслу в южных широтах. Центр МИРОВОГО китобойного промысла переместился на Юг - в Антарктику. За 40 лет промысла (с 1905 по 1946 г.) в этих водах было добыто 680 тысяч китов! Охота на китов в настоящее время менее опасна, чем несколько десятилетий назад, когда она велась с небольших парусных судёнышек простым ручным гарпуном и пикой. В те далёкие годы китобойный промысел был героическим делом. Чтобы нанести киту смертельную рану, китобои сутками преследовали кита, стараясь подойти к нему вплотную, чтобы попасть гарпуном обязательно под грудной плавник (в область сердца). К гарпуну был прикреплен канат, и раненый кит с бешеной скоростью тащил на буксире отчаянных смельчаков. Иногда борьба между кораблём и гигантом-китом продолжалась несколько суток. Нередко раненый кит уходил от преследователей. Много отважных китобоев нашло смерть в морских пучинах. И что интересно: охотились только на небольших по размерам усатых китов и для того, чтобы срезать с туши кита пластины уса. Саму тушу оставляли на растерзание морским хищникам. Китовый ус в прежние времена употребляли на корсажи и кринолины. Но век кринолинов миновал, и китовый ус последние годы, как правило, выбрасывался за борт (пластмасса дешевле!), а туша кита полностью перерабатывалась на жир, муку, мясные консервы и прочее. С развитием парового флота, а также изобретением гарпунной пушки китобойный промысел вступил в новую фазу своего развития. А введение в 1925 году на китобойных базах слипов для вытаскивания китов на палубу способствовало дальнейшему прогрессу китобойного промысла. До этого разделка китов велась на плаву под бортом китобазы. Китобойный промысел стал не таким опасным. Охоту на китов стали вести с паровых, очень быстрых судов, называемых китобойцами или китобойными судами. Основное промысловое вооружение этих судов состоит из гарпунной пушки и амортизационного устройства на мачте и в трюме. Отправляясь на поиски китов, китобои внимательно следят за горизонтом. Для лучшей видимости на мачте судна устроен специальный наблюдательный пункт, напоминающий размером и формой бочку, в ней находится опытный матрос. Он в бинокль может увидеть фонтаны на расстоянии до 6 миль (примерно 11 км). Часто наличие больших стай

птиц, появление тюленей, питающихся крилем, служит косвенным признаком нахождения китов в данном районе моря. Киты, поднимаясь на поверхность воды, при выдохе выпускают фонтан. Но это не сплошная струя воды, как представляется, а смесь капелек воды и тёплого воздуха, выдыхаемого китом. Периодически поднимаясь на поверхность, киты последовательно пускают ряд фонтанов с интервалами 15-20 секунд. Затем уходят под воду и находятся там 10-15 минут, а в спокойном состоянии - 6-8 минут. Итак, замечен фонтан. По его характеру определяют вид кита. Китобойное судно форсированным ходом начинает преследование кита. Гарпунёр стоит у заряженной пушки и управляет ходом судна. В ствол вставлен кованный гарпун весом 80 кг с 4-мя раздвижными лапами. На головку гарпуна навинчена чугунная граната, начинённая порохом. Зная повадки китов, китобоец подкрадывается на дистанцию выстрела, то есть, на расстояние 25-40 м. В тот момент, когда кит всплывает на поверхность, гарпунёр прицеливается в область грудного плавника и производит выстрел. Вылетевший из пушки гарпун вонзается в тело кита. Граната в теле кита взрывается, её осколки наносят ему большие, иногда смертельные повреждения. К гарпуну прикреплен специальный трос, обладающий большой прочностью. При натяжении троса лапы гарпуна раскрываются и плотно держатся в туше кита. Обычно загарпуненный кит стремится уйти от преследователей и развивает большую скорость, но удерживается тросом, идущим на лебёдку через систему амортизационных блоков. Эта система препятствует обрыву троса при резких и стремительных бросках раненого кита. Недавно прочитал: «Попался гигантский кит блюеал, который просто замучил гарпунёра». Дальше: Раненый кит «водил» китобоец свыше 18 часов, несмотря на то, что судовые двигатели работали на «задний ход». В него был запущен 6-й гарпун». Это заблуждение. И дело вовсе не в том, что в условиях Антарктики 18-часовая охота на кита (ночью!) невозможна, и не в том, что блювалы быстро «выдыхаются» (большая масса!), и даже не в том, что из-за больших габаритов у этих китов проблемы - блювалы уязвимей других китов - легче попасть в их «смертельные» места. Как правило, достаточно бывает второго выстрела (6 - незачем!), чтобы с китом покончить. Главное же в том, что не кит «водит» китобоец, а его «водят». Как указывалось выше, мощность, развиваемая блювалом, доходит до 1700 л.с. Это мощность тепловоза! Разве можно тормозить, а тем более давать задний ход? Никакой самый прочный трос не выдержит. Собственно, для того и установлена на китобойце мощная амортизационная система, чтобы не допустить обрыва каната с последующей потерей кита. Выстрел удачный. Кит «на лине», но ещё жив и старается уйти. Пушку уже перезарядили. Сейчас последует «добойный» выстрел, после которого, считай, кит - уже в кармане. Убитого кита подтягивают вплотную к борту, прокалывают пикой и накачивают тушу воздухом через специальный шланг идущий от компрессора. Воздух делает китовую тушу плавучей и не дадут ей затонуть. Если погода благоприятная и вблизи видны ещё киты, то добытого кита «ставят на флаг», то есть, втыкают в него для ориентира длинный шест с флагом и продолжают охоту. Во время промысла используются элеюрофонари, радиобуи и отражатели для радиолокаторов, которые закрепляются к тушам убитых животных, чтобы после промыслового дня их легче было найти ночью или в непогоду. Ведь бывает, что одно китобойное судно добывает более 10-ти, а иногда и больше китов за день, их туши остаются разбросанными по океану на расстоянии 30-ти и более миль друг от друга. Убив несколько китов, команда китобойного судна швартует их за хвостовой плавник стальными цепями и буксирует на китобазу. 28 января 1947 года по судовому радио зачитали приказ. Сообщалось, что китобойцем «Слава-5» добыт 1-й кит-финвал. Объявляется промысловый период: двухсменка по 12 часов каждая, с одночасовым перерывом на обед и отдых. Начинала действовать прогрессивно-сдельная оплата труда: зарплата всему личному составу китобазы, от капитана до матроса и рабочего, теперь напрямую зависела только от количества вытопленного за СУТКИ жира. Эта цифра ежедневно объявлялась по радио и вывешивалась на рабочих местах. Каждый моряк назубок знал свой расценки. Отныне для всего личного состава флотилии начиналась новая жизнь, веб было подчинено одной цели - добыть как можно больше китов, чтобы вытопить больше жира. Обязанностью моей бригады было принять от китобойцев добытых китов, разделить их «на кусочки» и отправить в горловины жиротопных котлов. Китобазы «Слава» для вытаскивания китов на палубу в корме имеет слип - наклонный коридор, идущий к воде. Приём кита от китобойного судна и подъём его на палубу производится под непосредственным руководством мастера. Мастер должен метко бросить боцману китобойца выброску с «грушей» на конце. Кита накачивают воздухом 2-мя пиками. Кит «на флаге». 6-й кит китобойца «Слава-8», прикрепляет к ней конец стального троса с петлёй на конце (строп), поймав её, прикрепляет к ней конец стального троса с петлёй на конце (строп). К другому концу стропа прикреплен хвостовой плавник кита, который лебёдкой подводится к слипу, где на него набрасываются 2-тонные храпцы-захваты, после чего с помощью 40-тонной лебёдки кит поднимается на палубу. Видите, как легко? На самом деле это очень сложная операция, в которой задействованы, кроме мастера, еще и четверо рабочих, обслуживающих две 5-тонные, одну 40-тонную лебёдки и паровой шпиль. В моей бригаде эту операцию научились выполнять очень ловко. Иногда приходилось ловить добытого кита «с флага». Надо подойти к нему, поймать, застропить и оттянуть к слипу, чтобы потом накинуть на него храпцы. Это довольно нелегко, если учесть, что приходится всё это делать с высоты 12 и от уровня моря при пронизывающем ветре и высокой волне. Мне повезло: 1-й «исторический» кит-Финвал был поднят в мою смену. Участники рейса китов ещё не видели. На кормовую палубу, чтобы увидеть, что это за «ЧудоЮдо-Кит», высыпали все, кто мог - человек триста. Вокруг кита бегали кинооператор Коган и куча фотоголюбителей. Съёмки затянулись. Народ не расходился, каждый хотел сфотографироваться на фоне 1-го кита. Этот кит был для нас - «учебный». В погной «боевой готовности» собрались дневная и ночная смены Поднимают 1-го кита. Кругом зеваки. разделяшки кормовой площадки. Оба норвежских инструктора стали поторапливать, но люди не расходились. Тогда я обратился к «зевакам» с просьбой освободить площадку, так как при разделке китов присутствие посторонних запрещается. И пошутил: «Китов, что ли, не видели?» Последовал дружный смех, и люди стали расходиться. Эту шутку потом мне долго припоминали. Первого кита разделявали часа три-четыре. В конце рейса это научились делать за час-полтора. Ещё кита не вытащили на палубу, едва из слипа показался его хвостовой плавник, а резчики уже начинают разделку. Они «бросаются» на кита. Мне много приходилось видеть, как работают рабочие. Но такого рвения, добросовестности, стремления сделать быстро и хорошо, как это было на разделочной палубе «Славы», я больше не встречал. Никаких понуканий, молча, или с прибаутками, без «давай-давай!», без перекуров и «сачкований». И так работали люди не только в моей бригаде, хотя в моей работали лучше. Мне ещё повезло в том, что в бригаду попали только добросовестные, честные и хорошие люди, как говорят, «трудяги». Разделка кита производится на двух площадках (палубах): кормовой и центральной. На кормовой площадке (размеры её: длина - 30, ширина - 20 метров), снимается подкожный слой сала со спины и брюшной части, отделяется язык, нижняя челюсть, китовый ус. Резка сала и мяса производится специальными фленшерными ножами, по виду и размерам напоминающими хоккейные клюшки. Затем кита переворачивают, и с него снимается слой сала, находившийся внизу. После этого хвостовой плавник освобождается от храпцов, и они возвращаются в слип за следующим китом. Ободранную же тушу кита подтаскивают для дальнейшей разделки на центральную площадку. В разделке китов на обеих площадках задействованы паровые механизмы: 21 лебёдка и 6 шпилей. * На центральной площадке установлены ещё и 3 мощные паровые пилы, со стороны напоминающие зенитную пушку. Они предназначены для распиловки позвоночника (хребта), головы, нижней челюсти, плавников. Длина полотна паровой пилы - 3,3 м. Вот что я вычитал в многотиражке «Советский китобой»: «за

смену машинист-пильщик Котов распилил 3 хребта, 4 головы, 2 хвоста, 3 челюсти». Не правда ли, интересно? 100-тонная туша кита исчезает с верхней палубы в горловинах 24-х жиротопных котлов. Промысел начался. Ежедневно добывают по 8-10 китов. Но разделщики не успевают их быстро разделать. За кормой дожидаются подъёма на палубу китобазы уже 6 китов. Надо торопиться, иначе жир, вытопленный из них, будет пригоден только для технических целей, что здорово скажется на зарботке. Эти гарпуны извлекли из тела финвала. Так сильно они деформируются, когда попадают в позвоночник кита. Часто, чтобы извлечь гарпун, приходится позвоночник распиливать паровой пилой. На гарпуне, что слева, виден обрывок китового сизальского каната. Его срежут и оба гарпуна отташат в кузницу. Таи их выровняют («отрихтуют») и вернут на китобойцы для дальнейшего использования. За кормой 5 финвалов и горбач (он чёрный). На китах примостились отдохнуть пингвины. Мастер ведёт учет времени поступления китов, чтобы свежих поднять на палубу в первую очередь, тогда будет гарантия высокого качества жира. Всё оборудование жирзавода находится на нижней палубе китобазы. В котлах-цистернах острым паром вытапливается жир. Он сливается в отстойники и затем для очистки пропускается через специальные сепараторы. Очищенный жир хранится в танках до прихода китобазы в порт или до перекачки на прибывающий танкер. Часть мяса направляется на «мясную линию» для приготовления кормовой муки. Мясная мука упаковывается в джутовые мешки и хранится в специально оборудованных танках. Печень поступает в посол, её доставят на фармзавод, где изготовят из неё ценнейший лекарственный препарат - камполон. Для советских моряков на всё время плавания было установлено 3-разовое питание. Несмотря на то, что в стране действовала карточная система на продовольственные продукты, кормили нас сытно. Но всё-таки существовала норма. Поэтому с началом промысла на столы стали подавать «подножный корм» - мясо молодых китов. Оно напоминает говядину, разве что немного жёстче и пахнет рыбой. Но наши коки наловчились «смягчать» мясо и удалять ненужный запах. А в последующих рейсах из китового мяса научились готовить колбасу, а китовую печень так ловко обжаривали, что пальчики оближешь! Норвежцы же китовое мясо не признавали. Зачем? Ведь они были в при-вилегированном положении. Во-первых, у них было 6-ти разовое питание. Часа через 2 после завтрака, обеда и ужина они спешили в кают-компанию, где специально для них накрывался стол с разными выпечками (!) и обязательным чёрным кофе. А, во-вторых, нормы и ассортимент у них были несравнимо лучше. Начать с того, что им полагалось виски, которое они развлекали тоником. А при прохождении тропиков получали пиво. Курили они не «Приму» без фильтра, что полагалась нашим, а настоящие ароматизированные английские и американские сигареты. Конечно, это было неприлично, но на иных условиях норвежцы идти в рейс не соглашались. Немного о норвежских инструкторах. Норвежские китобойи среди иностранных моряков считаются непревзойдёнными специалистами. Эту репутацию они ревностно поддерживали сами, всячески подчеркивали своё превосходство и старались не раскрывать всех секретов. А нам нужно было эти секреты разузнать, чтобы в следующих рейсах обойтись без чванливых инструкторов. В этих условиях особая роль возлагалась на нас, мастеров, мы являлись посредниками между ними и нашими матросами. Надо было установить такие взаимоотношения, чтобы секреты своего мастерства норвежцы всё-таки раскрыли. Думаю, это удалось. Прежде всего потому, что повезло: в отличие от других норвежских инструкторов Юхансен был хорошим, мудрым, добрым человеком. А также потому, что с самого начала мы нашли общий язык и взаимопонимание. Он видел, как уважительно относится к нему вся бригада, а главное, что она работает добросовестно, и его советы, как говорится, «претворяет в жизнь». Не у всех это получалось. Инструктор центральной площадки - толстый, Вечно нахмуренный норвежец, злоющий и вспыльчивый, с первых же дней стал «качать права» с мастером Уткиным, которого, между прочим, считали перспективным: он был членом парткома. Но норвежец выжил его, пожаловался Нильсену, а тот доказал Воронину, что нужно сменить мастера. А во второй смене оба норвежца были любители выпить, а, выпив, начинали придирается к нашим ребятам: всё им было не так. И уж совсем был лют норвежец Петерсен, опекавший бригаду «танкистов». Не только наши, но и некоторые норвежцы звали его «фашист». И он оправдывал это имя. Кстати, в рейсе участвовало несколько норвежцев по фамилии Петерсен, говорили, что они родственники. Это храпцы-захват. С их помощью 40-тонной лебёдкой кита вытаскивают на кормовую разделочную палубу китобазы. Ма снимках: слева - храпцы в раскрытом виде, справа - момент набрасывания их на хвостовой плавник кита в слипе. С первого же дня промысла мне удавалось осваивать технику разделки китов. Не меньше, чем с инструктором, мне повезло с бригадой. Подобрались молодые крепкие ребята. Большинство только недавно отслужили на флоте и в армии. Среди них были и офицеры. Они ещё не отвыкли от флотской и армейской дисциплины, беспркословно выполняли свои обязанности и распоряжения мастера. С ними было легко работать. С самого начала моя бригада стала первой, у нас были лучшие показатели, каждую смену мы обрабатывали китов больше, чем другая смена. Не было претензий и к качеству работы. Как говорили раньше, бригада стала «маяком» для других. Об этом не переставали сообщать в передачах радиоузла и в еженедельной многотиражной газете «Советский китобой». Почти в каждом её номере помещалась какая-нибудь хвалебная заметка о работе нашей бригады. Наподобие вот этой: Последние дни несколько улучшился убой китов-Трт. 30 марта всего бы/fo забито 9 китов. В этот день высоких результатов добился экипаж китобойца .Слава 3*, который забил 3 блювалов. За 1 апреля всего было убито также 9 китов. Это количество полностью не удовлетворяет потребность загрузки разделочных палуб.которые резко повысили темп*! разделки китов. И только один раз в бригаде случилось «ЧП». Резчик Елизаров вышел на смену в нетрезвом виде. Накануне он отмечал свой день рождения и не рассчитал, бражка - вещь коварная: «Пьешь-квас, а потом повалит вас». Яков Матвеевич Елизаров был одним из лучших и добросовестных рабочих. О нём даже заметку в газету написал. И вдруг такое! Надо сказать, что в те времена за такой проступок человека увольняли с работы и отдавали под суд. В условиях «Славы» это означало ещё и лишение мореходной книжки, то есть, права на заграничное плавание. Узнай об этом начальство, и мне бы не поздоровилось. Не поднимая шума, я отправил его спать в кубрик, предупредив ребят, чтобы молчали. Надо было видеть Елизарова на следующий день, чтобы понять, что творилось у него в душе. Он всё понял, никаких нотаций и проработок не требовалось. Не только понял, но и помнил. Незадолго перед началом 9-го рейса мы встретились с ним на Дерibasовской (главная улица Одессы) у здания Управления АКФ «Слава». Он узнал меня, радостно бросился навстречу, припомнило былом своём грехе и стал настойчиво приглашать в ресторан отметить это событие. От ресторана я отказался, но в разговоре узнал, что он успел сходить в Антарктику 7 раз. За отличную работу получал правительственные награды. В 9-м рейсе мы оказались с ним вместе, но он продолжал работать в разделке, а я уже «по другому ведомству». Дважды за рейс: на Новый 1955 год и на моё 29-летие Яков Матвеевич делал мне царские подарки: нож с ручкой из кашалотового зуба, оселок для правки опасной бритвы, инкрустированный кашалотовым зубом и большой кашалотовый зуб отделанный «под Антарктику».Оба эти подарка я храню как память.Я тоже не оставался у него в долгу. Вернусь к газете «Советский китобой». Она печаталась в судовой типографии, помещавшейся в каморке площадью меньше 4-х кв. метров. В ней стояли «кассы» с литерами (буквами), ручной печатный станок и стол для переплётных работ. Железные двери типографии, выходящие на главную палубу, всегда были настежь открыты, и можно было видеть, как маленький тщедушный наборщик Конофеев, которого за глаза звали «Первопечатник», самозабвенно и неразгибаемо трудится на ниве политико-воспитательной работы. То, стоя у касс, находит нужные литеры- буквы и набирает из них строки, то печатает фанки, то верстает, то крутит

большое колесо печатной машины. Литеры в то время отливались из сплава, основу которого составлял свинец. Находиться в этом душном помещении было вредно, и наш «универсал» время от времени выходил наружу, садился на табуретку рядом с дверью и курил. Это у него называлось «подышать свежим воздухом». Ему «за вредность» полагалось ежедневно пол-литра молока, да откуда его взять на корабле? И он компенсировал молоко папиросным дымом. Конофееву было лет 55. В революционные годы он работал в типографии большевистской газеты в Ленинграде, встречался с видными деятелями партии. Около него собиралась молодёжь, и он, не спеша, тихим голосом что-нибудь рассказывал. Входить в его каморку запрещалось. Но для меня почему-то было сделано исключение. Я заходил к нему, смотрел, как он работает, помогал крутить колесо печатной машины, а он ловко подкладывал листы чистой бумаги под пресс, вытаскивая оттуда пахнущую свежей краской газету. В конце рейса Конофеев подарил мне две подшивки газеты. Одну по возвращении в Москву я отдал в институтскую библиотеку (и её зачитали чуть не до дыр), другая помогает мне сейчас при написании этих записок. Я уже писал о редакторе газеты Е. Шистере. В своё время это был довольно известный журналист, часто публиковавшийся в центральных московских газетах. Это был активный человек. Известно выражение: «газета - не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор». Именно так понимал свои обязанности Шистер. Кроме того, что он был редактором «Советского китобоя», он руководил работой радиоузла, организовывал выпуски стенгазет и фотогазет, читал лекции о своих многочисленных поездках по стране и миру, был пропагандистом политкружка. При нём всегда был блокнот, куда он записывал всё, что увидит и услышит. После рейса Шистер выпустил книгу «Под созвездием Южного креста», в которой три-четыре абзаца посвящены мне. Книга с тёплой надписью автора долго хранилась у меня. Но, увы, кто-то взял её прочитать и «зачитал»... В первых числах апреля подул холодный ветер, резко ухудшилась погода, пошла ледяная шуга. Китобойцы рыскали по морю, но китовых фонтанов не обнаруживали. Китобойные флотилии других стран закончили промысел и ушли домой. Нам этого делать было нельзя. План на 30 марта был выполнен лишь на 50,11 %. Пришла радиодиаграмма из Министерства о продлении квоты на добычу китов ещё на один месяц. Норвежцы посмеивались, пожимали плечами: что поделаешь с «этими русскими»? В первой декаде апреля добыли всего 10 китов. Правда, 11 апреля удалось добыть 4 финвала, но это, как оказалось, были последние. А тут ещё начальство надумало написать письмо на имя «дорогого товарища Сталина» с клятвой «выполнить задание Родины». Клятву, конечно, не выполнили, надвигающиеся льды стали вытеснять флотилию из района промысла. Чтобы не застрять во льдах (а такой опыт у нашего капитана-директора уже был - это о нём в 1934-м злые языки язвили: «Капитан Воронин «Челюскин» проворонил») - стали искать другие, более безопасные районы промысла. Выше я писал, что климат в Антарктике самый суровый на Земле. Надо добавить: и самый мрачный. Высокое атмосферное давление, постоянная пронизывающая изморось, вечно хмурое небо, тяжёлый туман, беспросветная серость кругом и тоска по родным так давят, что не всякий человек выдерживает. В середине апреля один за другим исчезли два матроса. Аврал по их розыску не помог. Поговаривали, что, «свихнувшись», они бросились за борт. Случился ещё и несчастный случай. Норвежец - гарпунёр одного из китобойцев - в подпитии, несмотря на запрет, настоял на том, чтобы его перебросили на китобазу. Людей и всякие «деликатные» грузы транспортировали с борта на борт в бочкообразной корзине, сплетённой из толстых прутьев. Эту операцию, рискованную даже в нормальную погоду, категорически запрещалось производить при волнении моря. Но пьяному - море по колено. И в результате корзина с сидевшим в ней гарпунёром попала между бортами китобойца и китобазы и была смята. Норвежец получил тяжёлые увечья, врач оказался бессилён. Цинковый гроб поместили в морозильник и в первом же порту норвежцы организовали его отправку в Норвегию. В последующих рейсах смертельные случаи были и с нашими людьми. Если это случалось в начале рейса, то покойного «предавали морю»: после речей к гробу привязывали гарпун и опускали в море под звуки Гимна СССР. Если же к концу рейса, то цинковый гроб с телом помещали в морозилку и по возвращении в Одессу хоронили на городском кладбище. Заготовку воды поручили моей бригаде. Нас высадили на необитаемый гористый остров (сейчас не помню его названия). Воду надо было брать из бурных родников, расположенных на высоте примерно 70-80 метров. Раскатали брезентовые рукава, подставили верхние концы к истоку, и пошла вода вниз в коффердамы (ёмкости для воды между танками)! Теперь от нас требовалось лишь присматривать за рукавами. Работа - не бей лежачего! Курорт, да и только! Сначала от скуки, а потом и по разрешению начальства стали заготавливать и птицу. На острове гнездились тысячи разных непуганых птиц. Нашлись знатоки, указавшие, каких птиц надо добывать. Любопытные и глупые, они подпускали нас к себе слишком близко. Их ловили руками, как ловят домашних кур. Некоторых осторожных, которые не давались в руки, сражали длинной палкой, срезанной с дерева тут же на острове. Добытую птицу обезглавливали и в мешках относили на китобазу. А там, на камбузе, повара стряпали праздничные блюда из свежей птицы, которой у нас на столах не было уже почти полгода. Лет через 50 Фолклендские острова захватит правившая Аргентиной военная хунта. Изгнали английского губернатора, и поставили своего. Англия направила туда военный флот и авиацию. В ожесточенной войне Аргентина потерпела поражение. Острова вернулись прежним владельцам. Мне тогда подумалось: надо же, за тридевять морей посылают линкоры и авианосцы, проливают кровь граждан ради островов, от которых и пользы мало, и находятся они «у чёрта на куличках». Нет, чтобы взять с нас пример: мы подарили «дяде», хотя и ПОЛУ, зато жемчужину Чёрного моря. И сейчас, вроде бы, собираемся отдать острова, хотя и на Дальнем Востоке, но не дальние, а рядом, у наших берегов, к тому же богатые природными ресурсами и запасами рыбы и зверя. Это я отвлёкся. Всё-таки надежды, что по пути на север попадутся киты, не теряли. Шистер попросил меня написать заметку, которую поместили в первомайском номере газеты. Вот она: С начала подготовки к промыслу и в период промысла бригада кормовой разделочной палубы проделала большую работу. Позади остались дни, когда все из-готавливали снаряжение, такелаж для разделочных палуб. Свыше 250 китов было разделано нашей бригадой за время путины. Рабочие бригады серьёзно относились к новому для них делу. С момента установления сменных норм не было случая невыполнения дневного задания. Обычно задание выполнялось на 120—150 проц. 1 апреля было разделано за сиену 7,76 кита или 194 проц. сменного задания. Старший резчик Полуянов, резчик Елизаров, пластовщики Воюшин. Петлин, лебедчики Жданов и Ефимов — передовики бригады. Это — люди от работы которых зависел успех нашей бригады. Они всю путину работали хорошо, показывая пример высокой производительности. Лучший из рабочих «ашей палубы» Александр Скоробогач в настоящее время учится на гарпунера и с успехом осваивает новое интересное дело. В оставшееся время промысла и на переходе в порт коллектив кормовой разделочной палубы приложит все силы к тому, чтобы успешно выполнить поставленные перед ним задачи. В заметке хвастаюсь, что в путину работали хорошо. Это правда. Действительно, из 386-х добытых китов 250 разделала моя бригада. Поэтому было естественно, когда в следующем номере от 5 мая газета «Советский китобой» сообщила, что «за достижение высоких показателей в работе» объявлена благодарность с занесением на Доску почёта Полуянову, Елизарову, Арузманову и Воюшину. Четыре человека из одной бригады! Это было безусловное признание успеха бригады и моего лично. Выполняя ответственное правительственное задание личный состав флотилии добился первых успехов в деле освоения китобойного промысла в Антарктике. Среди экипажа выросли хорошие специалисты, изучившие новое дело. В связи с праздником 1 Мая, за достижение высоких показателей в работе приказом капитана-директора объявлена благодарность и

занесены на доску почета: Хаматдннов—матрос китобойца .Слава 3, Гузеев—кочегар китобойца .Слава 3, Засосов—штурман китобойца .Слава 2. Шимко—матрос китобойца .Слава 2, Захаров—старший механик китобойца .Слава 5*. Щепицнн—боцман китобойца .Слава 4. Бокарев—кочегар китобойца .Слава 9 Полуянов—старший резчик, Елизаров—резчик, Кузовков — мастер разделки. Кашелава—младший боцман. Мифтахов-матрос I класса, Конофеев—наборщик, Посметюк—кузнец, Куликов —радист, Арзуманов—мастер разделки, Харсеев—матрос китобойца .Слава 3. Воюшин—пластовщик. Но ещё большую радость вызвало то, что высокой похвалы заслужили два студента Мосрыбвтуза: Саша Засосов и я. Китобоец «Слава-2», на котором Саша работал, добыл больше всех остальных - 62 кита. Моя бригада тоже оказалась первой. Конечно, сейчас это звучит слишком пафосно и, возможно, наивно. Но тогда в той обстановке я чувствовал себя на седьмом небе. Не забудем, какое это было время. А через неделю отметили уже трёх студентов. За активное участие в работе газеты в честь «Дня печати» объявили благодарность Саше Засосову, Сосику Гюльбадамову и мне. Прекрасно рисовавший Сосик выпустил несколько стенгазет, которые тогда именовались «низовая печать». На 3-х склеенных больших листах чертёжной бумаги формата А-1 помещались интересные, остроумные, смелые и узнаваемые карикатуры и шаржи на работников китобазы. У стенгазеты собирался народ, читали, обсуждали, хохотали, подначивали тех, кто там изображён. Смотреть стенгазеты ходили не только советские работники флотилии, но даже норвежцы, которые такими «пустяками» не занимались. Фолклендские острова флотилия покинула 12 мая. Впереди были рейды у Буэнос-Айреса (16.05), Монтевидео (17.05). 25 мая китобаза стала на якорь в бухте у Рио-де-Жанейро. Во всех 3-х перечисленных портах предпринимались меры, чтобы пересадить норвежцев с наших судов на пассажирские лайнеры или самолёты: норвежцы желали пораньше добраться к себе домой. Да и мы хотели освободиться от неудобных пассажиров, которые только и делали, что играли в карты и пьянствовали. Но, к сожалению, подходящих рейсов в Европу не было. 26 мая меня с бригадой направили в Рио-де-Жанейро грузить в портовом холодильнике на китобоец «Слава-1» большую партию продовольствия, в основном туши крупного скота. Правда, в городе мы не были, только в порту, но всё-таки могу похвастать: я был в Рио-де-Жанейро, куда так мечтал попасть незабвенный Остап Бендер! Собрание рабкоров Состоялось собрание рабкоров флотилии, посвященное Дню большевистской печати. Доклад, о Дне большевистской печати и задачах рабкоров флотилии сделал редактор газеты Советский китобой тов. Шистер. Выступавшие в прениях токарь завода Винева- ский, лебедчик Гюльбадамов. начальник производства Боев, мастер линии муки Сорокин, электрик Романов, главный инженер Олив и другие отмечая положительные стороны в деятельности газеты указали на недостатки. Основными из них являются недостаточное количество рабкоров, нерегулярный выпуск боевых листков, недостаточное освещение в газете вопросов жизни нашей страны и международного положения. По окончании промысла руководство флотилии поручило мне составить «Инструкцию (руководство) по технике разделки усатых китов». Только для усатых китов, - потому что технология схожая, к тому же кашалотов добывали очень мало. Руководство напечатали на ротаторе, а чертежи и рисунки - на светокопи-ровальной бумаге. За подготовку этого «труда» по флотилии мне объявили благодарность и выдали денежную премию. Из 2-х авторских экземпляров, выданных мне, по возвращении в институт, один я сдал в деканат как отчёт по практике (его приняли, освободив от практики за 4-й курс). И как подарок почти три месяца летом 1947 года я прекрасно провёл дома в Ташкенте. Инструкцию по разделке китов похвалили и сказали: она может быть засчитана как научная работа с грифом «на правах рукописи». Инструкцию отдали в институтскую библиотеку. Позднее я узнал, что у студентов технологического факультета она служила материалом при подготовке дипломных и курсовых проектов. Конечно, было приятно. Однако, честно говоря, особого значения этой работе я не придавал, хотя свой, авторский экземпляр, храню 68 лет. И чтобы закончить эту тему, скажу: через 7 лет, когда я был в 9-ом рейсе «Славы», видел, что составленная мной Инструкция «работала». Правда, её подредактировали, «облагородили»,... убрали мою фамилию, поставив на титульном листе сверху: «Утверждаю. Капитан-директор». 3 июня в открытом океане мы встретили бразильское военное судно типа «Охотник». Оно двое суток дрейфовало, имея повреждение в двигателе и радиостанции. Капитан терпящего бедствие судна просил известить в Бразилию о его местонахождении, чтобы прислали буксир, что и было сделано. 6 июня вторично в этом году пересекли Экватор, что опять отметили пятью длинными гудками. Сразу после Рио-де-Жанейро меня вызвал старпом Корсак и предложил пойти во Владивосток (!) боцманом на китобойце «Слава-9». Он сообщил, что есть приказ направить туда китобойцы №№ 8, 9 и 10 для включения их в состав дальневосточной флотилии «Алеут». Переход возглавит он, Корсак, поэтому и набирает команды. Встреча с танкером «Барнаул», который должен сопровождать китобойцы до Владивостока, назначена у островов Зелёного Мыса. Там я и должен пересесть на китобоец. Корсак обозначил курс, по которому будет следовать эта группа судов: через Гибралтар, Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан, Южно-Китайское и Японское моря, Японский пролив. Будет четыре-пять заходов в иностранные порты, в том числе Порт-Саид и Сингапур. Валюта - за всё время плавания, включая и время, проведенное на китобазах. От этого предложения у меня «в зобу дыханье спёрло». Я готов был закричать: «Согла-а-а-сен!!!». Но опытный морской волк дал мне три дня подумать. И правильно сделал. Когда я обдумал это предложение, посоветовался с умными людьми, понял, что с согласием пойти во Владивосток я поспешил. И вот почему. Институт командировал меня как практиканта в китобойную флотилию «Слава». После окончания рейса я обязан возвратиться в институт для продолжения учебы. Перейдя же в другую организацию, я нарушал условия командировки. Меня могли и отчислить из института, тем более, что я не успевал попасть в институт к началу нового учебного года. Кроме того, я терял ещё один, уже второй год учёбы, что было совсем неразумно. Но самое главное: я соскучился по родным - маме, сестре, братьям, друзьям, по Ташкенту и Москве. Пришлось, с извинением, отказаться, о чём я никогда не жалел, хотя такой шанс в жизни больше не представился. Моряки из этого плавания вернулись во Владивосток в конце ноября 1947 года. Получили расчет в рублях, но декабрьская Денежная реформа «съела» все их деньги. Вечером 11 июня флотилия подошла к островам Зеленого Мыса. На островах (их 10) тогда проживало почти 170 тысяч человек. Ежегодно их посещало более 4 тысяч различных судов. Острова, подчиненные Португалии, связаны с ней, а также с Англией регулярным сообщением. Поэтому была надежда, что удастся высадить всем надоевших норвежцев. Но судовладельцы, узнав, кто будут пассажиры, отказались принять их: норвежские китобойцы пользовались дурной славой, никто не хотел с ними связываться. Оставалось надеяться на Гибралтар. Суда флотилии встали на якоря в заливе острова Святого Николая. Под его прикрытием снабдили китобойцы всем необходимым. Через несколько суток вошли в Средиземное море и стали на рейд у Гибралтара. Китобазу сразу окружили десятки лодчонок со всяким добром: фруктами, вином, сувенирами и прочим. Но купить что-либо мы не могли, у нас не было денег. Нас поджидала большая неприятность. Всему личному составу флотилии за время нахождения в заграничии полагалось выплатить командировочные валюты. А это были немалые деньги, не сравнимые с теми рублями, которые мы заработали «в результате невыполнения плана». Несколько дней ждали разрешения из Москвы на выплату валюты, но так и не дождались. Валюту не выплатили, на берег не выпустили. Это было безобразие, настоящий обман, нас «кинули». Люди возмущались, нашлись смельчаки, которые пошли к начальству «качать права», но ничего не добились. Проглотив горькую пилюлю, несолоно хлебавши, поплыли дальше. Это было первое в моей жизни «кидалово». Потом такое случалось не раз, но об этом после, если

успею. Не удалось высадить норвежцев и в Гибралтаре - не было подходящих рейсов в Норвегию, но узнали, что в ближайшие дни отправится самолёт в Осло с острова Мальта. Направились туда. Китобазы подошла к острову и встала на рейд у порта Валлетта, откуда норвежцев «на катере отправили к... матери». Теперь без стоянок - курс на Одессу. Путь наш пролегал мимо многочисленных островов, и мы могли разглядывать их красоты. Не обошлось без «ЧП», которое здорово всех перепугало. Если заходить с Эгейского моря, то после порта Чанаккале пролив Дарданеллы делает очень крутой поворот, сначала влево, а затем, ещё круче вправо. Турецкий лоцман, не рассчитав, не вписался в один из этих поворотов и посадил нашу машину кормой на мель. Какой переполох был на китобазе! Вызвали несколько буксиров и, провозившись часа два-три, кое-как стащили китобазу с мели. А дальше, пройдя без приключений Мраморное море и пролив Босфор, вышли на простор Чёрного моря. На следующий день в одном из городских парков был накрыт стол человек на пятьсот. Обилие закусок, горячих блюд и выпивки никому не позволило встать из-за стола, не напившись в дребодан. Даже я, уж, на что не имевший слабость к зелью, и то напился так, что когда по окончании банкета привезли на корабль, с трудом нашёл свою каюту. Думаю, что это была разрядка после длительного плавания вдали от родных берегов. Наверно, поэтому после окончания промысла норвежцы пили «в умерь». Впрочем, «Всегда есть поводы для пьянства!» Специально для китобоев в лучшем театре Одессы - оперном, дали большой концерт. Этот театр - гордость одесситов. Горячие патриоты своего города, они не упускают случая похвастаться, что их театр - копия Венского оперного театра, а кое в чём, утверждают, даже лучше. В Одессе пришлось готовить китобазу для постановки на ремонт в Севастопольской судовой верфи. Дней через десять произвели расчёт, выдали документы, и мы тепло распростились с Одессой и разъехались. Когда ещё удастся побывать в этом прекрасном городе, пообщаться с его весёлыми жителями, послушать их типичный и своеобразный одесский выговор, которому вначале удивляешься, а вскоре незаметно для себя сам начинаешь говорить так же. Отныне будем хвастаться, что мы бывалые моряки, промышляли китов в Антарктике, плыли у берегов Огненной земли (а это верх шика у моряков всего мира!), и у нас, как и должно быть у морских волков - «жопы обросли ракушками». По бесплатной путёвке отдыхали в «Боржоме». Были на даче Сталина в Ликани (в 4-х км от Боржоми). Когда-то это был дворец Великого князя Михаила Николаевича - Наместника Кавказа. Удивляло, что Великий князь был страстным коллекционером бабочек. На крыше его дворца возвышалась красивая ротонда. Как стемнеет, он забирался туда, включал прожектор и ловил бабочек. Нам бы его заботы! Нынешнему «наместнику», ой, не до бабочек! Запомнилась ещё одна экскурсия. На стареньком, давно требовавшем «швыра» дребезжащем открытом автобусе ехали часа два. Несколько раз останавливались из-за поломок. А ведь пришлось преодолевать опасную, серпантинном пролегающую в горах дорогу, местами нависающую над пропастью. И вот, наконец, знаменитая крепость Вардзиа - пещерный монастырский комплекс, памятник грузинской архитектуры и искусства XII века. Вардзиа включает несколько сотен (говорили - 400) жилых, культовых и хозяйственных помещений, высеченных ярусами в отвесной туфовой скале. С экскурсоводом тайным ходом мы вскарабкались к входу в пещеры. Часа три осматривали покои царицы, ее приближенных, многочисленные церкви и часовни. Особенно впечатлил главный храм, в котором сохранились древние росписи, в том числе портрет царицы Тамары. Вспомнились пещеры Хндзореска, их я облазил, будучи шестилетним мальчуганом, в первую поездку на Кавказ. Но Вардзиа, нет слов, величественней, несравнимо красивей и недоступней. За всю историю враги ни разу не могли взять эту крепость штурмом, хотя и пытались сделать это много раз. Остался в памяти и один анекдотический случай. Трое бывалых моряков: Сосик, Толя Зонов и я, на узловой станции Хашури, в ожидании поезда на Боржом, зашли в духан (так грузины называют свои закусовые). Закусили, попили пива. Потребовалось «нужное» место. Не нашли. Подозвали официанта-духанщика, спрашиваем: «У вас есть галльон?» (мы ведь моряки, не «туалет» же спрашивать?). Духанщик, глядя в меню, в растерянности: «Рагу есть, сациви есть, бульон есть, галльон... нету». Мы дружно рассмеялись, но не стали объяснять удивлённому духанщику, что мы имели в виду. После санатория мы вернулись в институт. Неожиданно участников 1-го рейса в Антарктику, находившихся в Москве, пригласили в Дом кино на просмотр фильма «За китами в Антарктику». Так назвал фильм «Автор сценария и оператор Семен Коган». Зал был полон. Перед сеансом Семен рассказал собравшимся, как проходил рейс, как создавался фильм, кого-то благодарил за оказанное доверие и помощь. Нас, «героев-китобоев», представил публике, заявив, что сейчас зрители многих увидят на экране. Затем начался чёрно-белый фильм. В то время цветные фильмы у нас редко выпускались. В нескольких эпизодах крупным планом, то с выброской в руках, то при подъёме кита на палубу, то с фленшерным ножом при разделке кита показали меня. А диктор за кадром расхваливал «трудоёмкой подвиг молодого мастера разделки Арзуманова». А когда произносил слова: «Хорошо организован досуг китобоев...» - показали нас с Сосиком за игрой в нарды. Не забыл, таки, Семен своего однокашника - соседа по столу в кают-компании, прославил его на всю страну, спасибо! Можно похвастаться: если не героем, то уж актером известного фильма я был. После просмотра фильма стали его обсуждать. Конечно, все хвалили, даже говорили, что фильм заслуживает быть представленным к Сталинской премии. Когда речи закончились, всех повели в буфет и рассадили за столами, уставленными закуской и выпивкой. Заметим, что до отмены карточной системы оставалось три месяца! Не скрою, одного просмотра мне было мало, хотелось посмотреть хотя бы ещё раз. В Москве тогда напротив гостиницы «Метрополь» стоял «Кинотеатр повторного фильма». В одном из его залов непрерывно «крутили» кинохронику. Я смотрел «свой» фильм несколько раз, пока не «наелся». Недавно мой племянник Альберт рассказал, что когда этот фильм «гоняли» в ташкентском кинотеатре «Хива» (там, как в Москве, в дневное время непрерывно крутили документальные фильмы), соседние мальчишки тоже ходили смотреть этот фильм по несколько раз. А ещё запомнилось совещание в Министерстве рыбной промышленности на Старой площади. В большой комнате перед кабинетом министра Ишкова собралось человек двадцать важных руководителей. Я знал лишь тех, с кем недавно плавал на «Славе»: Соляника, Стрельбицкого, Олива, Куликова. Я попал в эту компанию, наверно, как стахановец (стахановцами тогда называли передовиков труда). В сторонке вокруг большого деревянного фотоаппарата с мехами, установленного на массивном деревянном штативе, хлопотал фотограф. Долго не начинали. Сидели, переговаривались, ждали. Шепотом сообщили, что ждут зам. председателя Совмина Микояна. Вдруг забегали, засуетились, затем всех пригласили в кабинет, где указали кому куда сесть. Кто поважней, сели за длинный стол. Остальные на стулья у стены. На столе фрукты, бутылки с минеральной водой и лимонадом. Не зря шептались. Действительно, из другой двери вошли охранник, Микоян и Ишков. Все встали. Микоян оказался не такой, как на портретах. Невзрачный, смуглый, с горбатым, свисающим на усы носом, низкорослый. Меня представили: «Мастер по разделке китов Арзуманян». Думаю, для того, чтобы польстить армянину Микояну: мол, в 1-й рейс в Антарктику ходил и его земляк. Зря это было: он даже бровью не повёл - он же «интернационалист»! За всё время, пока нас ему представляли, и потом, когда проходило совещание, Микоян ни разу не пошутил, даже не улыбнулся. Меня удивил его чудовищный грузинский (не армянский!) акцент. говорил он быстро-быстро, проглатывая окончания слов, как-то взхлёб. За 30 лет жизни в России он не научился нормально говорить по-русски! Но зато раз пять-шесть все помянул «товарища Сталина». Оказывается, и флотилию называли «Славой» «по совету товарища Сталина», и в Антарктику пошли «по указанию товарища Сталина», и «кадры подбирали под контролем «товарища Сталина», и «товарищ Сталин создал условия и следил за ходом промысла» и т.д., и т.п. Правда, было непонятно, чем

же занимались многочисленными начальниками в министерстве? Зато стало ясно, под чьим «мудрым руководством» нам не выплатили валюту, положенную в 1-рейсе. Выходило, что виноват-то во всём «сам товарищ Сталин»! Затем Микоян спросил, всё ли готово к выходу во 2-й рейс и можно ли обойтись без норвежцев. Примерно через полчаса он вдруг поднялся, пожелал успехов и ушёл, сопровождаемый министром. Стали расходиться. Фотографу в приёмной так и не пришлось запечатлеть эту «историческую встречу». В 1952-году мне в руки попала книга «Пищевая индустрия Советского Союза!», изданная в 1940 году. Это был сборник выступлений Микояна на пленумах, съездах, совещаниях. В каждом выступлении славословия в адрес «великого, мудрейшего и гениального товарища Сталина». Товарищ Сталин сказал то, велел это, предвидел третье. Подхалимски до приторности, чуть не по 10 раз в каждом выступлении. Было тошно и противно читать. Каково же было его слушать? Говорят, «Короля создаст его свита». Культ личности Сталина насаждало его ближайшее окружение, в которое входили Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян. Но последний делал это особенно настырно, бессовестно и по-восточному льстиво. Жаль, что я не сохранил эту книгу. Мог бы привести несколько цитат, и сразу стало бы ясно, что Микоян - главный «насаждатель» культа личности Сталина, этого самого страшного палача всех времён, погубившего десятки миллионов неповинных людей. Да и у самого Микояна руки по локоть в крови. Это он в 1937 году подписывал сплошь «расстрельные» списки, по которым уничтожили десятки тысяч лучших сынов Армении. Рабелепствуя перед Сталиным, он подготовил клеветнический донос, на основании чего был расстрелян его близкий ДРУГ Николай Бухарин. Будучи наркомом, Микоян в тридцатые годы «очистил пищевую промышленность от врагов народа», в результате чего были репрессированы тысячи специалистов. Документально доказано, что лично Микоян ответствен, за то, что безвозвратно за ГРОШИ ушли за границу величайшие музейные сокровища Российской Империи. Это был трусливый, хитрый, беспринципный человек. Имея в виду эти качества, о Микояне говорились: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича» («Ильичи»-это Ленин и Брежнев). Недавно по телевизору показали фильм о Микояне. Двое его сыновей наперебой расхваливали своего отца, ставя ему в заслугу... «начало промышленного выпуска в стране мороженого и сосисок». Но умолчали, что, продав за границу государственные запасы зерна, их батюшка обрёк страну на страшный голод. А как оправдывают репрессии? Да, говорят братья, это было, но их отец не один такой, он вынужден был это делать, чтобы самому не подвергнуться репрессиям и спасти свою многочисленную семью. А вообще, он был очень добрым человеком, не зря же своим чадам оставил на миллионы акций, лишь за бренд «Микоян»? А Указ о награждении китобоев, отличившихся в 1-м рейсе (ожидали, что его привезёт Микоян), так и не последовал: за что награждать, если не выполнен план? Да и как бы это восприняли норвежцы, которые участвовали в 1-м и пошли во 2-й рейс? Ограничились приказом министра. Дали «всем сестрам - по серьгам»: грамоты, благодарности, премии. И на том спасибо.

Мосрыбвтуз, практика на Арале. Записки о былом. Воспоминания обрусевшего армянина. Часть 26

(Опять Москва. «Невесты». Новые однокурсники. Мкртчичевы. Денежная реформа. Первый приезд в Коломну. Женитьба. Практика на Арале. Лепрозорий. Дипломный проект. Лестные предложения. В гостях у Карахановых. Неожиданная операция.)

Незаметно пролетело лето. Снова Мосрыбвтуз. Снова 4-й курс, но группа и люди другие. В институте «китобоев» встретили как героев. На отдельном стенде под стеклом красовались наши фотографии с восхваляющими подписями. В актовом зале устроили вечер встречи. Мы «отчитались» и ответили на десятки вопросов, интересовавших студентов и преподавателей. Высшее руководство и профессура в честь нас устроили банкет. В конце его, помнится, от имени студентов-китобоев я произнес тост, который так всем пришёлся по душе, что его даже в институтской стенгазете опубликовали. Вот такая слава навалилась! С учёбой, особенно первые 3 месяца, проблем не было: у меня сохранились прошлогодние конспекты. Зато много больше времени, чем раньше, занимала работа в спортивной секции. Заменявший меня «пришлый» тренер не отличался усердием, часто пропускал тренировки. Исчезло кое-что из спортивных снарядов, не было формы, спортсмены перестали получать дополнительное питание. И секция штанги разваливалась. Было обидно, но что поделаешь: пришлось начинать почти с начала. То же самое и в Федерации штанги. Постоянного секретаря не было, и скопилось много бумаг, требующих оформления. Ходил туда, как на работу и приводил в порядок документы. Я давно мечтал заняться фотографией. Но как-то не доходили руки, да и стоили фотоаппараты недёшево. А тут, после возвращения из плавания, получил приличную премию министра. После войны в московских магазинах, в том числе, комиссионных, появились различные товары из Германии, о которых совсем недавно и мечтать не смели. Пошёл поток «ширпотреба» по репарации и «трофеи», что привозили демобилизованные из армии солдаты и офицеры. Купил дорогой фотоаппарат «Кине-Экзакта» с зеркальным видоискателем и цейсовским объективом. Это была почти профессиональная камера с большими возможностями. Этот фотоаппарат служил мне почти 15 лет! И прослужил бы дольше, если бы в 1961-м году его не выпросил у меня в Карловых Варах знакомый директор мясокомбината. Большинство фотоснимков, наклеенных в наши семейные фотоальбомы, и иллюстраций в этих заметках были сделаны тем фотоаппаратом. Немного о моих новых однокурсниках. Знакомы были лишь Толя Зонов и Валентин Жданов, с которыми в прошлом году вместе ушли на «Славу» и проработали там в одной бригаде. У них «вместе» - было всё. Вместе учились в одной московской школе, вместе пришли в Мосрыбвтуз, вместе пошли в плавание. И после окончания института их судьбы сложились похоже. Толя - парень с амбициями, отработав три года на Дальнем Востоке, вернулся в Москву и на одном из предпринятых лет через 10-12 дослужился до директора. Новая группа 4-го курса была слабей той, в которой я занимался год назад (теперь это был 5-й курс). Выделялся - и не только возрастом (был на 4-5 лет старше нас в среднем). Староста группы Николай Смагин, бывший фронтовик держался степенно, учился серьёзно, знал себе цену и вёл себя «по-взрослому». В пару ему был другой наш сокурсник - Ваня Пересыпкин, но этот учился слабо, был тихоней, но себе на уме. Оба они были не «общезитейские», сразу после занятий, не задерживаясь, вместе спешили домой. Поговаривали, что у них надёжные «тылы»: у Смагина дядя-в ЦК, а Ванин дядя - Маршал войск связи Пересыпкин. Во всяком случае, карьера обоих развивалась стремительно. Смагин после окончания института года через три работы в Калининграде вернулся в Москву и стал начальником Управления кадров Министерства рыбной промышленности СССР. А тихий, скромный, ничем не выделявшийся троечник Пересыпкин был назначен министром рыбной промышленности РСФСР! И до китобойной флотилии в институте я был заметным человеком. А после рейса и вовсе стал первым парнем на деревне. Впрочем, не я один, а все ребята-«китобои». Вспоминаются два случая, когда я чуть в женихи не попал. Одна из однокурсниц, симпатичная москвичка, предложила готовиться к экзаменам у неё на квартире. Это удобно, не надо отвлекаться, так как «готов и стол, и дом». Жила она в центре Москвы на 3-й Тверской-Ямской. Как договорились, я пришёл утром. Познакомился с родителями. Сели завтракать. За столом мне учинили допрос. Расспрашивали о моих родителях и родне (как будто это имело отношение к подготовке к экзаменам)! Не понравилось, но что поделаешь, пришлось «дать показания». Стали заниматься в отдельной комнате. Но и тут время от времени приоткрывалась дверь, и меня подолгу с любопытством

разглядывали какие-то женщины. За обедом из намёков её родителей я понял, что меня «держат» за жениха. Хорошая девочка Саша, скромная, воспитанная, но с чего она взяла, что у нас «амур ля мур»? На следующий день к экзаменам я готовился один у себя в общежитии. Ещё один случай. Другая однокурсница - Роза, пригласила на свой день рождения. Я не был любителем застолий, к тому же не хотелось идти в незнакомую компанию. Но девушка была очень настойчива. Квартира где-то в районе Петровки. Зашёл и обомлел. В большущей комнате, богато обставленной старинной мебелью, находились: отец - лысенький и важный толстяк (я знал, что он заведующий магазином «Электротовары»), мать - суетливая толстушка, с ходу начавшая хвалить свою Розочку, две её сестры - тоже «отъёты», и человек 10-12 их родственников, - одни евреи. Разглядывая меня, негромко переговаривались между собой, по-моему, оценивали: пара ли я их пышной красавице. И тут я неожиданно услышал, что Роза - на самом деле Хая! Почему-то это имя сразу ассоциировалось с еврейскими анекдотами, где оно очень популярно и нарицательно. И уже без аппетита я ел их цымес и фаршированную рыбу, которую гости и хозяева громко и дружно расхваливали. После этого случая я зарёкся ходить в гости к москвичкам, хотя были и другие, не менее настойчивые приглашения. А вот дальних родственников - Мкртичевых навещал часто. Дядя Арам, его жена Шушаник (тётя Шура - сестра тётки Сони) и их сын Саша жили в большой комнате полуподвала общежития МАТИ на Усачёвской улице. Это была единственная семья в Москве, куда я охотно ходил, и где меня принимали, как родного, подкармливали. Наверно, поэтому, я не так остро ощущал разлуку с моими родными ташкентцами. Об Араме я уже писал, это он вызволил моего отца с Кавказа в Мерв и обучил его сапожному ремеслу. Дядя Арам и в Москве сапожничал, шил модельную обувь - на неё после войны был большой спрос. Работал с утра до вечера, не разгибая спины, слушая радио: репродуктор висел рядом. Услышанным делился с гостями, давал свою оценку событиям, философствовал. Мне рассказывал о моём отце, поминал его добром. С Сашиком, (со 2-го курса Мосрыбвуза он перешёл в институт лёгкой промышленности) мы сошлись, общались, играли в шахматы. Почти всегда у Мкртичевых заставал Сосика и тётку Соню. Она приехала в Москву, оставив мужа Беглара в Ташкенте, жила то у старшего сына, то у сестры. Дядя Арам, тётя Шура и Саша ушли из жизни. К моему стыду, я ни разу не навестил Мкртичевых в их новой, нормальной - не полуподвальной - квартире, чтобы отблагодарить за гостеприимство, которое они мне искренне оказывали. Царство им Небесное и Вечный Покой! Мы с Сашиком родились в одном городе, в одном году и месяце (оба Овны). Не потому ли в один день 26 декабря 1992 г. у нас обоих случились тяжелейшие инфаркты. У меня - в вагоне поезда под Ташкентом, у него - в Москве. Вот и не верь после этого в знаки Зодиака и астрологические прогнозы. Но Бог услышал мои молитвы, и я выжил, а Сашик был атеистом и инфаркта на перенёс. Мне запомнились приятели Мкртичевых - армянская чета, часто навещавшая их. Мужчина, не помню его имя, работал в МИДе. Он и дядя Арам, после нескольких рюмок коньяка оживлялись, и начинался экскурс в историю и в зарубежье. Особенно запомнились мне рассказы гостя о его пребывании на Ближнем Востоке, об обычаях арабов и их сказах. Два таких сказа запомнились. «На щеке у красавицы родинка. На ладони у меня горошина перца. Обе они круглые. Обе - чёрные. Обе язык щиплют. Но... это куда, и это куда?». И второй: «У красавицы на лбу брови. У меня в ножнах кинжал. То, и другое - изогнутое. То и другое - острое. То и другое - сердце пронзает. Но...это куда, и это куда?». По-восточному цветисто. Но интересно! Ведь сначала произносилось это по-арабски, возвышенно и таинственно, а потом следовал перевод на родной и понятный армянский. Ну, и как тут было удержаться, чтобы не просить рассказчика: «Ещё, ещё, пожалуйста!». Одесситы говорят: «Две больших и четыре маленьких разницы» - коротко и ясно, а арабы - длинно, вычурно, но зато романтично! Зимой 1947 года во Дворце культуры фабрики «Свобода» был «вечер встречи». После торжественной части как обычно начались танцы. Они меня никогда не увлекали. Я не был также и «ходоком» по девочкам. Не занимали они меня. Может быть, потому, что был увлечен делом, учёбой, а, может быть, и оттого, что вбил себе в голову, что женюсь в Ташкенте только после окончания института. Во время «танцулек» я уходил в читальный зал, просматривал газеты и журналы, а если находились партнёры, играл в шахматы. Читальный зал не работал, пришлось идти смотреть, как танцуют другие. Чёрт меня дёрнул туда пойти! Стою в сторонке, наблюдаю. Вдруг поймал на себе гипнотизирующий взгляд незнакомой девушки в красной кофточке, одиноко стоявшей напротив через зал. Но мало ли кто на кого смотрит? Объявили какой-то «белый танец», это когда девицы приглашают на танец кавалеров. И эта девушка пригласила меня. Зачем она это сделала? Узнал, что зовут её Люся, учится на 5-м курсе технологического факультета нашего института, живём в одном общежитии. Возвращались пешком по снежному улицам. Значения этому знакомству я не придал: мало ли с кем знаком? Но это я так думал, а Люся, как сама потом создалась, нацелилась меня «охмурить», поэтому искала и подстраивала встречи. Мы стали вместе ходить в театры, гулять по центральным улицам Москвы. В те годы моя сестра Люся, часто бывая в командировках, останавливалась в одной и той же гостинице «Урал», что в Столешниковом переулке. В один из её приездов я зашёл к ней и познакомил с моей спутницей. - Какая интересная девушка, - сказала мне моя сестра, вынеся этими словами мне роковой приговор. Не знаю, как получилось, но, живя на разных этажах, мы почему-то стали питаться вместе. Мне это понравилось: во-первых, вкусно, особенно картофельное пюре, которое готовилось на молоке, разные там «каши-маши» и «котлеты- матлеты», которые я сроду не готовил. А во-вторых, мне теперь не надо было готовить самому, знай, добывай продукты. Говорится: «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок». Очень правильная поговорка: через некоторое время в голову стали приходиться кошмарные мысли: «А не жениться ли мне»? Кошмарные мысли привели к кошмарному решению. Но об этом потом. А сейчас о денежной реформе, которая произошла за полтора месяца до женитьбы. Но это только затем, чтобы соблюсти хронологию. Два с половиной года после окончания войны в ходу были купюры довоенного образца. Они выпускались до, во время и после войны. В войну их даже немцы печатали и с самолетов, я слышал, разбрасывали, чтобы расстроить финансовую систему нашей страны. Так что на руках у населения скопилось денег - не счесть. Все эти два с половиной года в стране существовала карточная система. Товары по ним отпускались по низким («твердым») ценам. Между тем в больших городах существовали магазины, в которых можно было купить без карточек все, но по «коммерческим» ценам - в 5-10 раз выше, чем обычные. И денежная реформа 15 декабря 1947 г. отменила карточную систему и коммерческие цены, а твердые государственные цены на товары были установлены такие, чтобы на среднюю зарплату можно было с грехом пополам существовать. Но главное заключалось в том, что все старые купюры с 16 декабря в оборот не принимались. Их следовало обменять из расчета 10 старых рублей за 1 новый. Правда, деньги, положенные в Сберкассу (так тогда назывался Сбербанк), обменивались по курсу 3:1. Но что было важно: мелочь оставалась «в силе» и обмена не подлежала. Это была очень продуманная и, я бы сказал, неотвратимая денежная реформа. Конечно, от нее пострадало большинство населения, но малообеспеченные пострадали меньше. Реформа ударила по тем, кто незаконно нажитые деньги тайно держал в мешках или молочных флягах. На следующий день в сберкассах начался обмен денег. Новые деньги были красивее прежних и размерами больше, на крупных купюрах появились изображения Ленина. Не стало «тридцаток», вместо них выпустили 25-рублевые «четвертные». Указ о денежной реформе сообщили по радио неожиданно в конце дня. Я услышал о ней в общежитии. У меня в кармане было рублей двести, которые надумал «отovarить», не дожидаясь завтрашнего дня. Быстро собрался и направился в близлежащие магазины. Но туда уже никого не пускали, хотя внутри горел свет и копошились люди: считали, перемеривали,

перевешивали, что-то писали. Несолоно хлебавши, возвращаюсь в общежитие. Вижу, стоит очередь у аптеки, люди десятками берут всё подряд: бинты, градусники, стеклянные и резиновые банки и фуши для клизм, коробками разные таблетки и пузырьки с каплями. Но вскоре и аптеку закрыли, не позволив её полностью обчистить. Карточную систему отменили, цены на продовольственные и промышленные товары подняли, но зарплаты, пенсии и стипендии остались прежние. Так что жить стало не легче. Пришлось кроме разгрузки вагонов на станции Лихоборы подрабатывать и чертёжными работами - «делать листы» дипломных проектов. Это была «сезонная» работа, но она давала возможность в новых условиях сводить концы с концами, тем более, что теперь я был уже не один. Сразу после окончания зимней сессии мы с Люсей подали заявление в ЗАГС и поехали в Коломну представляться. Электричек до Голутвина тогда не было. Ходили всего по два поезда в сутки в одну сторону: утром и вечером. Допотопные переполненные общие вагоны, старые паровозы. Если едешь в первых двух-трёх вагонах, то за 4 часа езды пассажир успевал покрыться угольной пылью и сажой. Так что сразу по приезде на место надо было отмываться. Поэтому многие, едучи в Москву, брали с собой полотенце и мыло. Но я ехал из Москвы к будущей теще и свояченице и вез не мыло и полотенце, а, как порядочный зять, - подарки, сладости и продукты. Приехали в Голутвин. Трамваев тогда не было. Такси тоже. От станции пешком с вещами прошли километра полтора по главной улице, а затем, повернув налево, по снежному полю добрались до деревянного домика с маленькими подслеповатыми окнами. Это был дом №27 по улице Ленина, построенный ещё лет двадцать назад Люсиным отцом и уже много лет после его смерти находившийся без мужского присмотра. Такой неказистый деревянный дом я увидел впервые. Теперь предстояло туда войти и там прожить несколько дней. Встретила меня теща Пелагея Филипповна (так я её называл несколько лет, пока не расхрабрился назвать мамой) приветливо, но настороженно: кто его знает, какой он, этот нерусский зять, может быть, пьёт горькую и дерётся похуже, чем «свои» - русские? А, может быть, обманет её кровинку, «сделает» дитё и бросит? Я был в шоке, так как такой убогости никак не ожидал, да и вообще в жизни не видел. Вошли в дом. Низкие потолки. Необшитые бревна стен. При входе - печка, напротив, у окна - стол, это кухня. Далее комната в 16-18 квадратных метров, перегороденная с одной стороны вдоль всей стены тесовыми досками, но не до потолка. За этой перегородкой - две железных кровати. Одна, застеленная лоскутным одеялом, предназначена для нас, «молодых», на другой будут спать Люсины мама и её сестра Лида. Между изголовьями кровати такая же перегородка, разделяющая две «спальни». Из мебели, кроме кроватей: комод, стол, 4 стула и зеркало-трюмо. На полу домотканые дорожки. Во всём - бедность и убогость. Растерявшись, вначале я не сразу заметил Лиду, а, приглядевшись, испугался. В детстве она перенесла полиомиелит, который оставил на ней страшные следы. Изуродованная болезнью (у неё были скручены параличом нога и рука, перекошено лицо), отставшая в развитии 18-летняя девушка выглядела лет на 5 моложе. Обратившись ко мне, она, назвав меня Сергием Преподобным (кто это такой, убей меня, я представления не имел), вся светилась радостью. Не знаю, как теще, а уж Лиде я наверняка понравился, она так и порывалась поговорить со мной, погладить по руке. Но лучше бы этого не делала. От её невнятной речи и слюней, стекавших при этом с краёв губ, мне чуть не стало дурно. Куда я попал? Вернее: во что я вляпался? До сего времени удивляюсь: отчего я не бросился бежать, куда глаза глядят? Что меня тогда удержало? А утром во время завтрака пришла ряженая соседка. Одета в мужской костюм, в милицейской фуражке и нарисованными усами, на полном серьёзе она потребовала от меня паспорт, чтобы проверить прописку. Но артистка она была плохая. 10-15 минут, пока шёл этот глупый спектакль, еле сдерживал себя, чтобы не прогнать её взашей. А ещё посмотреть на меня пришла семья Игнатовых: тётя (сестра отца), её муж и трое мальчишек. И тут я впервые узнал, что есть мужики, которых ни за что не оттащишь от стола, пока на нём осталась хоть капля спиртного: пусть, если не выпить, то хотя бы понюхать или облизать рюмку с остатками этой влаги. А ведь я тогда совсем не пил водки, и лишь изредка - сухое вино. С тех пор прошло 58 лет. Выше я написал, что был в шоке. Но мысль отказать от женитьбы и в голову не приходила. Я не связывал свое будущее с Коломной, с тещей, а тем более со свояченицей. Был уверен, что по окончании института поеду в Ташкент, там займу достойное место в рыбном хозяйстве Узбекистана и буду жить рядом со своей мамой, родными и близкими. А теще будем помогать деньгами. Как же я был наивен и самоуверен! Говорят, бывают браки по любви, бывают по расчёту, даже по глупости. Скорей всего, у меня - третий случай. До сего времени не пойму, почему я женился, не дождавшись окончания института? Почему не поступил так же, как это было два предыдущих раза, когда меня прочили в женихи? Тем более, что ещё до регистрации брака в Загсе увидел то, что содрогнуло? Не могу сказать, что был безразличен к своей будущей жене. Мне нравилась её простодушие: «что на уме, то и на языке» (например, говорила, что не будет жить одна, обязательно выйдет замуж даже за вдовца, а другие девушки ждали только «принца на белом коне»). Не хвасталась, не кокетничала. А как смотрела мне в рот, когда я глубокомысленно изрекал «мудрые» и «гениальные истины!» Да ещё эти вкусные ужины, мелкие подарки. А тут ещё странный «залёт». К тому же, не знаю почему и зачем, я считал себя шибко «благородным человеком», не то, что коварные обманщики или Подкопесин из гоголевской «Женитьбы», трусливо сбежавший из дома невесты! 7 Февраля 1948 г. мы с Люсей зарегистрировали брак. Выхлопотали отдельную комнату в общежитии и стали жить поживать и... готовить ее дипломный проект. У меня уже была набита рука, поэтому все чертежи удалось выполнить прилично. С текстом - тоже без проблем: было с чего списывать, главное, чтобы Люся при переписывании на чистовик не наделала ошибок. После защиты дипломного проекта, получив направление, вместе выехали в Ташкент. Здесь после отпуска, положенного после окончания института, Люся стала работать ст. инженером производственного отдела Главузбекрыбпрома. Была договоренность, что здесь же после окончания института буду работать и я. В сентябре этого же года в Москве меня ожидал приятный сюрприз: мне назначили стипендию имени Калинина. Кроме морального удовлетворения, получил и прибавку в стипендии, хотя и не такую заметную, ведь повышенную стипендию отличника получал всегда. Но второй сюрприз был значительней и приятней. 31 марта 1949 г. Люся родила сына, которого по её просьбе назвали Аркадием. Это сейчас еще до родов узнают, кто родится: мальчик или девочка. В то время еще не было УЗИ, поэтому до момента рождения никто не знал, кого Бог пошлет, но мы оба хотели мальчика. У молодых родителей мальчики почему-то желанней девочек. Но моя мама после рождения первенца грустно сказала Люсе: - Не радуйся, дочка. Ты родила сына, у тебя не будет ни сына, ни дочери. Вот, если бы родила дочь, то были бы и дочка, и сын. Какой мудрой была мама! Как бы нам жилось сейчас в наши 160 лет на двоих, не будь у нас Юлечки? Кто бы нас радовал вниманием, лечил, стриг, баловал гостинцами, принесенными за шекой? Досрочно сдал все экзамены последней сессии, я поехал на преддипломную практику. Сошёл на ж.-д. станции «Аральское море». Посёлок Аральск - центр северной части моря, принадлежащей Казахстану. Добрался до убогого полуразрушенного порта с гнилыми деревянными причалами. Боже мой! Куда я попал? Всего три кривых улицы. Центральная - «проспект Сталина» (!). Несколько покосившихся домиков и бараков. За ней - «Америка» (да-да, так называли улочку с четырьмя бараками, в которых жили ссыльные). Мне предстояло пересечь Арал и попасть южную часть. Муйнак-центр «узбекских владений» Арала. Плыл туда на небольшом деревянном судне со старинным одноцилиндровым малооборотным двигателем «Боликдер». Он называлась ещё и «шаровой»: мазут впрыскивался на раскалённый паяльной лампой круглый чугунный шар в конце цилиндра. Команда судна - одни казахи, русский понимает только «капитан»-невзрачный малорослый и неуклюжий человек в замасленной телогрейке. Он знает, что я «из Москвы», поэтому относится ко мне

с подобострастием, даже свою каюту уступил: вдруг я большой начальник? Двигатель тарахтит: «Тах, тах, тах!» Три-четыре такта в секунду. Убаюкивает, поговорить не с кем, тянет в сон. А нам ещё плыть целые сутки: Арал ведь большой! Площадь его тогда была 66,5 тысяч кв.км. Преобладающие глубины 20-25 м, была и - 68 м. Недаром его называли Аральским морем. Прозрачность воды - 10-12 л. А какие рыбы в ней обитали: сазан, шип (тот же осётр), плотва, язь, жерех. И гордость здешних рыбаков - знаменитый Аральский усач, с которым по вкусу ни одна рыба не сравнится. Куда всё это подевалось? Разве тогда кто предполагал, что через какие-то 40-45 лет море пересохнет, а на его месте образуется пустыня, откуда задуют песчано-соляные бури, губящие всё живое на сотни километров вокруг. Наоборот, намечали резко увеличить добычу ценной рыбы. Замыслили реконструкцию рыбокомбинатов: Аральского и Муйнакского, боялись, что негде будет переработать несметное количество рыбы, добытой новым, более прогрессивным методом, который и должен был разработать этот важный студент-дипломник, плывущий сейчас в Муйнак на этом тарахтящем сейнере. Наконец прибыли в Муйнак. Господи! Да здесь ещё хуже, чем в Аральске! Убогость, запустение, покосившиеся деревянные постройки. Бьющая в нос вонь от разлагающейся рыбы, брошенной зачем-то прямо на причале. А ведь Муйнак - это центр рыбной промышленности Южной части Арала! Небольшой посёлок, заселённый в основном ссыльными калмыками, не скрывающими своей неприязни ко всем не ссыльным. Кругом песок, ветер кружит его по улице, образуя небольшие барханы, хрустит на зубах, залетает под одежду. Во всём посёлке ни одного деревца! Нет своей пресной воды. Её привозят на баржах из низовьев Аму Дарьи. Но она мутная, тёплая, затхлая (оказывается, есть места похуже Мерва и Красноводска). На весь посёлок - единственный магазин, но в нём ничего нет, кроме рыбных консервов. Хлеб, макароны, крупы и даже водку и ту выдают здесь по спискам! Опять успокаиваю себя: мне ведь жить не здесь, а на рыбозаводе «Урга», что в дельте Аму Дарьи. Прибыв на катере, вижу, что Урга ничуть не лучше Муйнака. Более того - это самое «комариное» место на Арале, там «вот такенные комары»: злые, большие, настырные, кровожадные. Снабдили «пашаханой» - так здесь называют марлевый полог, и объяснили, как его задымлять, прежде чем устраиваться на ночь. Вот в таком рыбацком посёлке я и прошёл преддипломную практику, отсюда выходил в море, чтобы предложить потом, как организовать «Близнецовый лов на Юге Арала» (в кавычках - тема моего будущего дипломного проекта). Не буду описывать моё житьё в посёлке, работу инженером рыбозавода и единственную в жизни дегустацию «Тройного одеколона», навязанную мне двумя русскими доброхотами сослуживцами: главным бухгалтером и прорабом. После этой дегустации дня три меня мутило, а изо рта исходил специфический запах парикмахерской. В 5-6 километрах от рыбозавода находился лепрозорий. Об этой страшной болезни я, как и многие, читал у классиков, был наслышан на Каспии и в Одессе. Слова «проказа» и «прокажённый» наводят страх и ужас. С главным врачом лепрозория я познакомился в первые же дни приезда. Оказалось, что он москвич, приехал по направлению какого-то института, собирает материалы для диссертации. Узнав, что я плавал в Антарктику, забросил меня вопросами. Я удовлетворил его любопытство, после чего пристал к нему с вопросами о проказе. Он рассказал, что больных проказой в лепрозорий помещают в принудительном порядке. Что больной, заразившись, лет 10 может не знать о своей болезни, пока у него на лице, верхних и нижних конечностях не появятся красно-бурые пятна, которые затем превращаются в бугристые узлы - лепромы, обезображивающие лицо, придавая ему вид «львиной морды», у всех выпадают брови. Неожиданно доктор пригласил посетить его владение. Мол, лучше один раз увидеть, чем... И вот мы с товарищем храбро прошагали пешком 6 километров по пыльной дорожке в надежде увидеть что-то страшное и таинственное. Через настежь открытые покосившиеся ворота входим на территорию лепрозория. Справа и слева рядами стоят кое-как слепленные саманные хибары, каждый с одним окошечком и дверью, выходящими на эту страшную улицу. За три-пять метров перед жилищем - печь-мангал и навес из фанеры или тёса. Это и кухня, и столовая здешних жителей. В одной такой халупе проживает по несколько человек. В некоторых живут семьи: муж, жена и даже дети. В конце этой улицы располагалось одноэтажное кирпичное здание - больница. Туда мы и шли сквозь любопытные взгляды несчастных обитателей лепрозория. В этом посёлке жили только казахи, киргизы и узбеки. Некоторые совсем так, как видел раньше в кино или читал в книгах, протягивали к нам руки непонятно зачем: то ли демонстрируя культы рук, то ли прося подаяние. Мы в ужасе проходили мимо, убыстряя шаг. В больнице шёл приём больных. В коридоре вдоль стены у кабинета врача сидели несчастные. У одних язвы во всё лицо, у других нет носа, ушей, у некоторых нет губ: выпирают скаленные зубы. Но у большинства | гнойные культы ног и рук. С них больные тут же снимают бинты, чтобы предстать перед врачом нагого. Доктор пригласил нас присутствовать на приёме. Больные по очереди входили в кабинет. Врач, осмотрев, назначал лечение. Как правило, за дело принимался медбрат, он чем-то тёмным смазывал культы, затем перевязывал бинтами. Но некоторых пациентов посылали на операцию. Испытание в этом кабинете я выдержал, не то, что мой товарищ, ему стало плохо, и он выбежал вон. По окончании приёма перешли в соседнюю - хирургическую палату. Перед дверью уже дожидались «приговорённые» к операции. Доктор облачился в фиолетовую «робу», ему надели резиновые перчатки и фартук, на лицо привязали марлевую маску. На стол лёг не старый ещё казах. Его связали по рукам и ногам, на рот и нос наложили марлю, стали на неё капать эфир. Что-то спрашиваю, и, убедившись, что он усыплен, приступили к операции. Обработали ногу зелёной, кожу на ноге разрезали скальпелем. Затем доктору подали в руки хромированную пилу-ножовку, и он начал (о, ужас!) отпиливать ногу. Ну, сосем так, как пилят дрова или металл, только звук другой. Вот тут уже не выдержал я, и выскочил из операционной, чтобы справиться с подступившей тошнотой. Больше меня никогда в жизни на подобные «подвиги» не тянуло. В детстве я видел, как режут истощенно визжащих свиней и пьют их кровь. Сам по глупости участвовал в зверском убиении собаки Жучки. Уже здесь, на Арале, молодой рыбак-калмык, чтобы смутить меня и пощекотать нервы, рвал зубами и ел живую рыбу. Она трепыхалась в его руках, по лицу текла кровь, он, демонстративно хрумкая и громко чавкая, смотрел, какое впечатление на меня это производит. Конечно, во всех случаях было не по себе. Но то, что я увидел в Ургинском лепрозории, особенно в операционной - меня потрясло. Да и вся обстановка беспросветности, обыденности и безысходности, царящей в этом Богом брошенном месте, - как могла оставить спокойным? А дальше были каникулы в родном доме в Ташкенте, радости отцовства и материнства, бесчисленное фотографирование голенького первенца и всех родных на его «фоне», обычные повседневные хлопоты по дому, походы на базар за так понравившимися Люсе урюком, абрикосами, персиками, а потом, когда созрели, - дынями и арбузами. Почему-то это счастливое время очень уж быстро проходит. В конце августа я был в Москве и начал писать дипломный проект. Суть проекта - организация на Юге Аральского моря близнецового лова. Это когда орудие лова в виде сетного мешка с «крыльями» параллельным ходом тралят два одинаковых судна - «близнеца». Отсюда и название лова. Добыча рыбы на Арале тогда производилась неводами, сетями и ярусами в основном в прибрежной зоне. Близнецовый лов позволял расширить ареал промысла, не ждате, когда рыба подойдёт к берегу, а выходить в море и добывать её вдали от берегов. Такое рыболовство называется «активным». Близнецовый лов тогда успешно применялся на Каспии и в Азовском море. Руководство Главрыбпрома хотело внедрить этот лов на своём главном водоёме. И когда я договаривался насчёт моей работы в Ташкенте после окончания института, мне предложили взять именно такую тему дипломного проекта. Она, кстати, потом оказалась в перечне тем, предлагаемых Минрыбпромом. Моей задачей было, не изобретая велосипед, обосновать возможность

внедрения и и дать инженерное и экономическое обоснование этого способа лова на Юге Аральского моря. С задачей я справился. В рецензии, данной начальником Управления рыболовства Минрыбпрома Е. Шалкиным, рекомендовалось Главузбекрыбпрому использовать материалы дипломного проекта в практической работе при внедрении этого вида лова в Южной части Аральского моря. Защитился я 4 марта 1950 г. Государственная Комиссия высоко оценила мой проект, подтвердив заключение рецензента о практической ценности расчётов и выводов. Через 25 лет, будучи в Ташкенте, я узнал, что на Юге Арала близнецовый лов успешно внедрён, этим способом добывалось тогда уже более 40 % всей рыбы. А в технической библиотеке Главузбекрыбпрома увидел текстовую часть моего дипломного проекта в потрепанном коленкоровом переплётё. Значит, он пригодился, раз так много его читали...Где-то в середине января в институте меня разыскал директор Тобольского рыбтехникума Белоконь. Он предложил мне с женой работу по специальности в своем техникуме, приличную квартиру сразу по приезду и высокие заработки. А, надо сказать, что Люся мечтала о преподавательской работе. Да и я к тому времени, побывав на Арале, понял, что Узбекистан - это не то место, куда следует стремиться «рыбнику». «От добра добра не ищут», и мы дали согласие поехать в Тобольск. Но окончательно этот вопрос должна была решить комиссия по распределению Министерства рыбной промышленности. Но было и еще одно предложение. Незадолго до защиты дипломного проекта меня вызвали к заведующему кафедрой профессору Баранову. Рядом с ним сидел наш декан Болдырев. Поинтересовались моими планами после окончания института. Я ответил, что до конца ещё не решил, посмотрю, что предложат на распределении. И тут Баранов спросил, не хотел бы я после окончания института продолжить учёбу в аспирантуре. Сообщил, что могу поступить без конкурса, как окончивший институт с отличием (они в этом были уверены, а я, только подумав о предстоящей защите, покрывался холодным потом). Здесь впервые узнал, что из 35-ти выпускников я один имею шанс получить «красный» диплом, так как только у меня за всё время обучения нет «троек» и всего одна «четвёрка». Это было предложение, о котором многие могли лишь мечтать. Но для меня это был «журавль в небе». Я устал от почти шестилетней учёбы, беспорядочного и нищенского существования в студенческом общежитии. Согласившись на аспирантуру, я обречал на такое прозябание ещё минимум на 3 года не только себя, но теперь уже и жену, и малолетнего сына. Я выбрал «синицу в руках»: отдельную квартиру, безбедную жизнь, интересную работу по специальности. А аспирантура, думал я, куда она от меня денется? Поступило потом, когда встану на ноги, приобрету опыт и педагогический стаж. Я поблагодарил своих добрых наставников за столь лестное предложение и обещал подумать. Прощаясь, Баранов сказал, что будет рад, если я стану его учеником. Но я не использовал этот шанс, а зря. Почему-то не особенно ценишь то, что само и легко идёт в руки. Поэтому и сложилась жизнь совсем не так гладко, как хотелось, а точнее - бестолково, несурозно. Часто приходится читать или слышать по радио и телевизору: «Если бы начать жизнь с начала, то прожил бы её точно также». Этим хотят сказать, что прожили её счастливо, что довольны ею? Но в жизни эти люди что-то делали? Неужели при этом они никогда не совершали непростительных досадных ошибок и постыдных глупостей? Ах, какие они талантливые, с детства всегда, всё делали правильно, продуманно и не приходилось потом ни о чём жалеть? Неужели это они хотят сказать? Неужели им так сказочно повезло, что в жизни их никто, никогда подло и нагло не предавал, не насиловал, не «кидал», не обманывал, не изменял? Позавидуешь таким: это - блаженные люди. Правда, по Ожегову слово «блаженный означает не только «в высшей степени счастливый», но и «глуповатый (первоначально-юродивый)». В каком значении эти «счастливчики» блаженны - не знаю. По-моему же, утверждать, что всё в жизни сложилось так счастливо, что если бы жизнь дали вновь, прожил так же - глупо и лукаво. Лично я прожил бы другую жизнь совсем по-другому, старался бы не совершать многочисленных ошибок не только в более поздние годы, но и в детстве. «Эсэвизма». Мои знакомый как-то рассказал, что его жена очень любит ходить в театр. А пристрастилась «к искусству» будучи студенткой, еще до замужества. Не имея возможности купить билет, она вставала недалеко от входа в театр и поджидала, когда какой-нибудь мужчине с лишним билетом пригласит ее с собой на спектакль. Конечно, на такие культмероприятия она ходила одна, без подруг. Мой вопрос: «А как она за это расплачивалась?», - озадачил его. Оказывается, он никогда над этим не задумывался. А жена почему-то ему этот секрет не раскрыла. Перед отъездом из Москвы я навестил декана К.М. Болдырева. Он жил на Садово-Кудринской в просторной квартире, выдававшей его хозяина - моряка. В стеклянных шкафах были выставлены прекрасные макеты шлюпок, парусных и паровых судов, а также штурвалы, компасы, корабельные колокола разных размеров, боцманские свистки, а на стенах висели морские карты в дорожных рамах и много ещё чего интересного. У нашего декана был рак желудка, он исхудал, как-то пожелтел, уже не выходил из дому. Никогда не забуду, как приветливо он меня встретил, как по- доброму беседовал, давал советы. Прощаясь, он растроганно перекрестил меня, грустно сказав, что больше не увидимся. Месяца через три в Тобольск мне пришла телеграмма с сообщением о кончине дорогого Константина Матвеевича. Царство ему Небесное! Так случилось, что в день получения мною диплома сестра Люся, командированная в Москву, была приглашена в гости к её хорошим знакомым - чете Карахановых. В Москве - это известная фамилия. В своё время один из них был участником покушения на царскую фамилию, другой один из организаторов октябрьского переворота - стал крупным советским государственным и партийным деятелем, но был расстрелян в 1937 году. Сергей же Караханов работал директором большого продовольственного магазина на углу Неглинки и Кузнецкого моста. Вот к нему в дом сестра Люся «прихватила» меня и «Люсю Маленькую» (так в отличие от сестры - «Люси Большой» - звали мою жену. Напротив гостиницы «Урал», по Столешникову переулку, где обычно сестра останавливалась, стоит старинный двух- (а, возможно, и трёх-?) этажный дом с очень большими окнами. Вошли в квартиру на 2-м этаже и онемели от изумления. Огромный зал площадью не меньше 60 квадратных метров, а высотой 5-6 метров. С трёх сторон зала сверху просторные антресоли. А там - шкафы с книгами и посудой, кресла, диваны, столики, торшеры. В середине зала на резных ножках громоздится дубовый обеденный стол. За таким столом уместилось бы не меньше 40 человек! А сели всего пятеро: хозяин с хозяйкой и нас трое. На столе богатые закуски, а на горячее... картошка в мундире (!), чистить которую должен был каждый себе. У меня что-то не получилось с «размундириванием» картошки, помогла жена. Хозяева заметили это и, похвалив Люсю за усердие, назвали её «настоящей кавказской женой». Вот так «обмыли» мой диплом. Я немало видел шикарных квартир, немало «ёдывал» всяких яств. Но никогда больше не пришлось сидеть за таким огромным столом в таком огромном зале и есть такую необыкновенно вкусную картошку в мундире, которую бы чистила «настоящая кавказская жена». А через несколько дней после этого у меня неожиданно случился сильный приступ аппендицита. Коломенские врачи, продержав в больнице несколько дней, отказались делать операцию, и я поехал в Ташкент. Там срочно удалили аппендикс, и спустя неделю, простившись с родными, прижимая ладонью еще не заживший рубец, я выехал в Коломну. Здесь меня ждала телеграмма директора техникума, требовавшего немедленно выехать в Тобольск, так как «срывается учебный процесс».